НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXIII г. № 9 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 29 февраля 1892 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Бьёрнстьерне-Біорнсонъ.

Имя знаменитаго норвежскаго поэта Бьёрнстьерне-Біорнсона у насъ сравнительно мало извѣстно. О немъ у насъ весьма недавно заговорили, хотя поэтъ уже находится почти на склонѣ своей дѣятельности; въ настоящее время нашлись издатели его сочиненій (Лемерле и др.) по общедоступной цѣнѣ. За эту услугу нашей литературѣ можно быть только признательнымъ. Переводится Біорнсонъ г. Ганзеномъ, большимъ панегиристомъ этого писателя. Бьёрнстьерне-Біорнсонъ не только поэтъ, романистъ, драматургъ и авторъ народныхъ разсказовъ, но и ораторъ, и политическій дѣятель. Такимъ образомъ, дѣятельность его крайне разностороння и личность его весьма интересна. Впрочемъ, вотъ вкратцѣ его curriculum vitae.

Раннее дѣтство поэтъ провелъ въ мѣстечкѣ Квикне (род. 8 дек. 1832 г.), гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Шести лѣтъ отъ роду онъ перевезенъ былъ въ Ромсдаль, одну изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Норвегіи; здѣсь обнаружилась страсть мальчика къ чтенію, въ особенности народныхъ сказокъ и сагъ. На семнадцатомъ году жизни Біорнсонъ отправился въ Христіанію держать экзаменъ при университетѣ. Три года проведенные имъ здѣсь имѣли огромное вліяніе на всю его дальнѣйшую дѣятельность: кромѣ серьезнаго изученія датской литературы, онъ здѣсь пристрастился къ театру, оказавшему большое вліяніе на развитіе художественныхъ сторонъ его натуры. По возвращеніи домой, въ 1852 г., онъ сталъ заниматься литературой, и главнымъ образомъ посвятилъ себя критикѣ. Поѣздки его въ Христіанію и Копенгагенъ могли только развивать его наблюдательность, и онъ ужъ тогда задумалъ свою комедію „Новобрачные", которую однако написалъ гораздо позже. Къ раз-

Бьёрнстьеркс-Біорнсонъ. Рис. Кольбъ, грав. Мейеръ.

сматриваемому періоду его дѣятельности относится „Между сраженіями“, комедія, обратившая на себя вниманіе печати и имѣвшая успѣхъ на сценѣ.

За первымъ опытомъ на драматическомъ поприщѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ разсказовъ, отличавшихся новизной формы и встрѣтившихъ вслѣдствіе этого не мало порицаній: пуще всего люди обыкновенно боятся новизны и оригинальности, въ чемъ бы онѣ ни сказались. Изъ драмъ его, между прочимъ, произвели сенсацію „Марія Шотландская“ (1864 г.) и „Новобрачные“ (1865 г.). Одна „Марія Шотландская“ его могла бы составить славу писателя. Біорнсонъ не идеализируетъ Марію Стюартъ, подобно Шиллеру, а беретъ настоящую, *историческую* Марію въ моментъ ея увлеченія Ботвелемъ. На глазахъ у зрителей Марія переживаетъ убійство Риччіо и Дарнлея, ея мужа, и съ отчаянія предается Ботвелю, этому человѣку, имѣвшему на нее такое роковое вліяніе. Біорнсонъ глубоко изучилъ эпоху несчастной шотландской королевы и создалъ изъ личностей Нокса, Маріи, Ботвеля и Дарнлея художественные образы, не отступающіе и отъ историческихъ въ то же время.

Одно время норвежскій поэтъ увлекся изученіемъ Милля, Дарвина, Макса Миллера и другихъ европейскихъ ученыхъ и прервалъ свою литературную дѣятельность; но это былъ только временной перерывъ. Вскорѣ появилась его комедія „Банкротство“ (шла на Михайловской сценѣ по-нѣмецки подъ заглавіемъ „Ein Fallissement“), затѣмъ „Редакторъ“ (сатира на положеніе журнальнаго дѣла на Сѣверѣ), „Король“ и др. Изъ большихъ романовъ его слѣдуетъ упомянуть о двухъ: „Городъ и гавань украсились флагами“ и „На Божьемъ пути“. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ авторъ и здѣсь является поборникомъ такъ-называемой идейности въ художественномъ произведеніи. Мы, русскіе, не привыкли встрѣчать въ романахъ корифеевъ нашей литературы непремѣннаго стремленія къ проведенію данной идеи, и вопросъ о тенденціи въ беллетристикѣ у насъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ; думаемъ, поэтому, что едва-ли романы Біорнсона особенно понравятся читающей публикѣ.

Обыкновенно, люди, владѣющіе перомъ, не умѣютъ блистать словомъ; рѣдко въ комъ соединяются ораторскій и писательскій таланты. Біорнсонъ счастливецъ въ этомъ отношеніи: его рѣчи увлекаютъ слушателей, и онъ иногда выступаетъ въ качествѣ защитника извѣстныхъ идей, пользуясь огромнымъ вліяніемъ, какъ благодаря своему авторитету, такъ и блестящей способности убѣждать. На-дняхъ напечатана издателемъ Лемерле, въ русскомъ переводѣ г. Ганзена, рѣчь Бьёрнстьерне-Біорнсона подъ заглавіемъ: „Единобрачіе и многобрачіе“,— призывъ къ сѣверной молодежи; статья эта, вызванная, по собственнымъ словамъ автора, „возмутительными нападками нѣкоторой части печати на г-жу Грунтвигъ, осмѣлившуюся потребовать одинаковаго цѣломудрія какъ отъ мужчинъ, такъ и отъ женщинъ, и поставившую цѣломудріе цѣлью, къ которой долженъ стремиться родъ человѣческій,“ одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ средне-учебныхъ заведеній, а также и Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній.

Одно заглавіе этой прекрасной рѣчи, полной наблюдательности, таланта и блеска, уже указываетъ на цѣль, преслѣдуемую авторомъ: онъ требуетъ „единобрачія“ въ буквальномъ смыслѣ слова и отвергаетъ „многобрачіе“ во всякихъ смыслахъ; главныя средства къ борьбѣ—это воспитаніе, нравственность, школа, домашній бытъ, семья; во всѣхъ этихъ вопросахъ авторъ высказывается рѣшительно, основываясь на мнѣніяхъ ученыхъ и спеціалистовъ (по медицинѣ), разсматривая историческіе факты въ ихъ логической послѣдовательности и обнаруживая вездѣ обширныя знанія и искреннія убѣжденія. „Пусть молодыя женщины, заканчиваетъ авторъ свою рѣчь, прежде чѣмъ вступить въ бракъ, убѣдятся въ нравственной солидарности мужчины, которому онѣ готовы ввѣрить свою судьбу! Пора прекратить отнынѣ брачную безотвѣтственность многоженцевъ!“

Въ качествѣ политическаго дѣятеля Бьёрнстьерне-Біорнсонъ всегда являлся защитникомъ и горячимъ поборникомъ независимости Норвегіи. Онъ также пробовалъ себя и на редакторскомъ поприщѣ; въ 1859 г. онъ редижировалъ въ Христіаніи *Вечернюю газету*, а потомъ, между 1866—67 гг.—*Норвежскую народную газету*. Бьёрнстьерне-Біорнсону въ настоящее время шестьдесятъ лѣтъ, но онъ еще очень свѣжъ, бодръ и продолжаетъ неустанно работать въ своемъ имѣніи Авлестадѣ, гдѣ онъ постоянно живетъ со своей семьей, занимаясь въ то же время и сельскимъ хозяйствомъ.

Ниже, въ этомъ же №, помѣщаемъ мы замѣтку по поводу драмы этого автора „Перчатка“, поставленной въ бенефисъ даровитаго артиста нашей драматической труппы Н. Ѳ. Савонова, и поэтому здѣсь такъ мало говоримъ собственно о драматическомъ талантѣ норвежскаго писателя.

В. Баскинъ.

Служитель Бога.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ

графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Аббатъ Салмоновичъ былъ происхожденія темнаго, конечно, для всѣхъ, кромѣ отцовъ-іезуитовъ... Онъ былъ еврей, уроженецъ Франкфурта-на-Майнѣ, и его прежняя настоящая фамилія была просто Соломонъ.

Будучи натурой испорченной съ дѣтства, благодаря природнымъ задаткамъ а равно и обстоятельствамъ жизни, молодой еврей Сандеръ Соломонъ попался, въ девятнадцать лѣтъ, вмѣстѣ съ другими, въ поддѣлкѣ документовъ, ради пріобрѣтенія большой суммы денегъ. Онъ былъ отданъ подъ судъ вмѣстѣ съ прочими и засаженъ въ тюрьму. Но и въ тюрьмахъ тогдашнихъ бывали, хотя бы мимоходомъ заглядывая, іезуитскіе соглядатаи.

Въ тюрьмѣ, гдѣ сидѣлъ Салмоновичъ, оказался таковой. И этотъ рядовой ордена сразу оцѣнилъ Салмоновича по достоинству, сразу увидѣлъ въ немъ дорогое пріобрѣтеніе для ордена и доложилъ объ немъ.

Мѣсяца черезъ три послѣ заключенія, Салмоновичъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, крестился и сталъ христіаниномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ свободнымъ гражданиномъ. Какимъ образомъ все это приключилось—онъ, конечно, самъ вполнѣ не понималъ и объяснить бы не могъ. Но переступивъ порогъ тюрьмы и выйдя изъ храма послѣ крещенія съ именемъ Фридриха Соломона, онъ былъ вызванъ на квартиру какого-то старика, показавшагося ему загадочнымъ.

Старикъ объяснилъ молодому человѣку, что не тѣ спасли его, которые вывели изъ заключенія и взялись быть его крестными при купели, а иная, невидимая рука. И вотъ, отъ имени этого таинственнаго спасителя, старикъ заявилъ Салмоновичу, что его виновность и подсудность не уничтожается, а временно отлагается. Тотъ же невидимый покровитель можетъ, когда захочетъ, снова однимъ словомъ посадить его въ ту же тюрьму или отправить на каторгу.

Затѣмъ старикъ далъ ему денегъ и паспортъ на имя Салмоновича, и приказалъ ѣхать въ такіе предѣлы, что молодой человѣкъ невольно струхнулъ. Ему, франкфуртскому уроженцу, приказали, если онъ не хочетъ снова очутиться въ числѣ острожниковъ, выѣзжать немедленно въ тотъ край, который недавно перешелъ изъ-подъ власти Польскаго короля подъ скипетръ Русской императрицы. Ѣхать въ Россію! Въ какую-то „бѣлую“ Россію. И хотя она бѣлая, но тѣмъ не менѣе все-таки страшна. Быть-можетъ потому она и бѣлой именуется, что въ ней живутъ одни бѣлые медвѣди.

Но однако выбора не было. Вдобавокъ старикъ давалъ много денегъ на дорогу и обѣщалъ, что тамъ, въ этой „weisses Russland“, онъ заживетъ припѣваючи, какъ ему никогда и не снилось.

Салмоновичъ былъ слишкомъ умный малый, чтобы долго смущаться. Вскорѣ онъ былъ даже радъ, понявъ, кто его спасъ и чего отъ него будутъ требовать. Онъ долженъ былъ ѣхать въ Полоцкъ, прямо къ отцамъ ордена Іисуса.

Чрезъ мѣсяцъ молодой человѣкъ былъ уже въ Полоцкѣ и поступилъ въ число схоластиковъ, хотя было уже поздно учиться. Ему приказано было позаняться годъ или два, чтобы стать все-таки грамотнымъ человѣкомъ и имѣть кой-какія свѣдѣнія.

До этой минуты Салмоновичъ хорошо обучился собственно только одному: искусно поддѣлываться подъ

чужіе почерки и искусно поддѣлывать документы. Однако дарованія взяли свое, и въ два года Салмоновичъ выучился по-польски и по-русски, выучился грамотно писать и нахваталъ столько вершковъ, что могъ казаться человѣкомъ совершенно способнымъ для занятія должности гувернера и учителя.

Въ Полоцкѣ онъ случайно обратилъ на себя вниманье отца Гавріила и былъ имъ записанъ въ особую книжку въ числѣ очень немногихъ. Это число, въ которое отецъ Гавріилъ включилъ Салмоновича, не превышало семнадцати. Надъ ихъ именами стояла какая-то загадочная надпись отца Гавріила, сдѣланная имъ по-арабски, чтобы никѣмъ не быть понятой въ случаѣ потери или утраты книжки. Смыслъ надписи былъ такой: „Маленькіе демоны въ услуженіи ордена; опасные люди, если они связаны одной лишь клятвой, — самые полезные люди, если они связаны съ нашимъ обществомъ на основаніи какого-либо преступленія“.

Разумѣется, молодой Салмоновичъ, котораго отцы могли когда вздумается снова засадить въ острогъ, или сослать въ каторгу,—былъ находкой, и не могъ быть опаснымъ.

Когда дѣятельность Грубера по пріѣздѣ въ Петербургъ расширилась и когда пришлось вызвать изъ Полоцка много всякихъ помощниковъ, всякихъ членовъ и всякихъ рядовыхъ, онъ вспомнилъ о Салмоновичѣ и выписалъ его тоже. А вскорѣ по пріѣздѣ молодаго человѣка въ Петербургъ, онъ рекомендовалъ его гувернеромъ въ семью князя Яхтомскаго. Съ первыхъ же дней пребыванія въ домѣ, молодой аббатъ велъ себя загадочно и заинтересовалъ княгиню. А затѣмъ вскорѣ онъ съумѣлъ сблизиться съ ней. Какъ это случилось, Юлія Павловна положительно сама не могла отдать себя яснаго отчета. Она отдѣлывалась предъ своей совѣстью словами:

„Il m'a fascinée... Это кудесникъ или колдунъ. Онъ дуренъ собой, но за то уменъ какъ сатана. Une intelligence infernale, démoniaque“.

XXIV.

Аббатъ дѣйствительно отправился въ іезуитскій коллегіумъ къ своему другу, такому же аббату, какъ и онъ самъ.

Это былъ еще молодой человѣкъ, служившій при церкви Св. Екатерины и дававшій уроки въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исполнявшій должность надзирателя за дѣтьми. Происхожденьемъ онъ былъ—балтійскій нѣмецъ, изъ Ревеля, и протестантъ отъ рожденія, но вслѣдствіе разныхъ личныхъ выгодъ перешелъ въ католицизмъ и, явившись въ Полоцкъ, поступилъ въ орденъ Іисуса.

Отецъ Гавріилъ сразу оцѣнилъ молодаго человѣка и, сдѣлавшись ректоромъ Петербургскаго коллегіума, немедленно выписалъ и его въ числѣ прочихъ способныхъ и полезныхъ людей.

Рафаилъ былъ не столько умный человѣкъ, сколько хитрый и изобрѣтательный. Его изобрѣтательности не было предѣла, и часто этимъ даромъ свыше онъ поражалъ и радовалъ отца Гавріила. Въ трудномъ и замысловатомъ дѣлѣ ректоръ обращался къ Рафаилу и говорилъ:

— Надумай, какъ изъ этого положенья выйти.

И молодой аббатъ выискивалъ средство.

Салмоновичъ, посидѣвъ и побесѣдовавъ съ другомъ, перешелъ въ верхній этажъ и велѣлъ красивому Эдуарду доложить о себѣ отцу Гавріилу.

И долго, цѣлыхъ часа два, бесѣдовали ректоръ и аббатъ. Если-бъ Салмоновичъ не повидался предъ тѣмъ со своимъ другомъ, то конечно и разговоръ этотъ со строгимъ начальникомъ не состоялся бы. Это былъ докладъ и крайне серьезнаго свойства, послѣ котораго въ горницѣ отца Гавріила стало такъ тихо, какъ если бы она давно опустѣла. А между тѣмъ въ ней попрежнему, у маленькаго стола, передъ ректоромъ, сидѣвшимъ въ креслѣ, продолжалъ недвижно сидѣть и Салмоновичъ. Оба они молчали уже нѣсколько минутъ послѣ долгой бесѣды.

Отецъ Гавріилъ глубоко задумался и, склонивъ огромную голову немного на-сторону, безсознательно смотрѣлъ на бумагу, лежавшую передъ нимъ на столѣ. Лицо его, всегда безстрастное, становилось въ минуты задумчивости и усиленнаго мышленія не угрюмымъ или серьезнымъ, какъ у многихъ: когда мозгъ бывалъ занятъ настолько, что Августинъ забывалъ о самомъ себѣ, лицо его, какъ истинное зеркало души, отражало то, что было главнымъ основаніемъ всей его натуры. Выраженіе его при самозабвеніи бывало презрительно-лукавое. Въ эти минуты всякій проницательный человѣкъ, взглянувъ внимательно въ гладко-обритое и свѣжее, хотя уже старое лицо іезуита, прочелъ бы на немъ, что отецъ Гавріилъ презираетъ все кругомъ него существующее, движущееся, мыслящее. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ относится къ этой жизни, какъ къ комедіи, а къ этимъ людямъ—какъ къ кукламъ, которыми онъ безъ труда играетъ.

Салмоновичъ молча смотрѣлъ въ лицо Грубера умными проницательными глазами и въ ожиданіи, что старикъ снова заговоритъ, невольно задалъ себѣ въ тысячный разъ вопросъ:

„Что это за человѣкъ?“

И отвѣчалъ:

„Да, это страшный человѣкъ!“

Салмоновичъ близко зналъ отца Гавріила, давно имѣлъ съ нимъ сношенія и каждый разъ убѣждался все болѣе, что этотъ человѣкъ есть—страшная, опасная и вредная сила. Счастье тому, кто попалъ къ нему въ друзья или помощники, а не въ число его враговъ.

„А между тѣмъ, думалось теперь Салмоновичу,—и у тебя есть Ахиллесова пята—уязвимое мѣсто: это твое самомнѣніе, самообольщеніе, слишкомъ чрезмѣрная увѣренность въ себѣ. Я, Салмоновичъ, человѣкъ безъ роду и племени, вытащенный тобою изъ грязи и считаемый тобой за какое-то насѣкомое, могъ бы погубить тебя, такъ какъ въ своемъ самообожаніи ты доходишь до ребяческой наивности“.

Думая и разсуждая такъ, Салмоновичъ былъ правъ.

— Да, заговорилъ наконецъ Груберъ съ презрительно-веселой улыбкой, какъ если бы дѣло шло о какой-нибудь забавной, но глупой затѣѣ.—Да, все хорошо слагается!

И затѣмъ, какъ бы почувствовавъ во время своего размышленія то, что думалъ Салмоновичъ, іезуитъ пристально посмотрѣлъ въ лицо молодаго человѣка и вымолвилъ:

— Все это, по мнѣнію какого-нибудь посторонняго лица, показалось бы чудовищнымъ и пожалуй даже грѣховнымъ, потому что этотъ посторонній не въ состояніи понять великихъ задачъ нашего ордена. Если бы я, Гавріилъ Груберъ, или вы, простой аспирантъ въ професы, дѣйствовали для нашей личной выгоды, для цѣлей, обезпечивающихъ наше личное земное счастіе на свѣтѣ, то конечно все это было бы и чудовищнымъ, и грѣховнымъ. Но вѣдь наши личности тутъ не при чемъ. Мы—служители Бога, мы дѣйствуемъ не для себя, а во славу Божію.

— Я такъ и понимаю, ваше господство, почтительно отозвался Салмоновичъ. — Я такъ и смотрю на мое служеніе ордену. Если это служеніе дастъ мнѣ личное счастіе — тѣмъ лучше, но я о немъ не думаю. Моя цѣль — принести огромную пользу ордену Іисуса. И если средства выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ, то я не виновенъ и не считаю себя виновнымъ ни передъ обществомъ, ни передъ Богомъ.

— Вы хотите намекнуть на аксіому, которую при-

Подлинное изображеніе легаціи или пословъ Великаго Князя изъ Москвы къ Римско-Цесарскому Величеству, также въ какомъ платьѣ и видѣ каждый изъ них
„Печатано въ Прагѣ Михаиломъ Петерле съ разрѣшенія Его Римско-Цесарскаго Величества. Воспр

Видъ центральной части Петербурга ($^1/_6$ города) съ высоты птичья

1 Зимній дворецъ.
2. Александровская колонна.
3 Александровская площадь.
4. Главный штабъ
5. Эрмитажъ
6. Государственный архивъ
7 Театральное зданіе Зимняго дворца.
8 Военное Министерство
9. Памятникъ Петру I-му.
10 Адмиралтейство.
11 Театръ Панаева.
12 Александровскій скверъ
13. Конно-гвардейскій манежъ
14 Сенатъ
15. Академія Генеральнаго штаба.
16. Невскій проспектъ
17, 18 } Частные дома
19. Дворецъ Николая Николаевича.
20. Складъ Морскаго вѣдомства.
21 и 23. Конно-гвардейскія казармы.
22 Почтамтъ.
24. Церковь Благовѣщенія.
25 Маріинскій театръ.
26. Частный домъ
27. Морская тюрьма.
28. Большой театръ.
29. Исаакіевскій соборъ.
30. Памятникъ Николаю I-му.
31. Государственный Совѣтъ.
32. Частный домъ.
33. Гороховая улица.
34. Адмиралтейская часть.
35. Голландская церковь.
36. Казанскій соборъ.
37. Цер. Спаса на Сѣнной
38. Лютеранская Петропавловская церковь.
40. Шведская церковь.
41. Государственный Банкъ.
42. Маріинскій рынокъ.
43. Пѣвческій мостъ.
44. Зданіе Конюшеннаго вѣдомства.
45. Гостиный дворъ.
46. Городская дума.
47. Михайловскій театръ.
48. Михайловскій дворецъ.
49. Садъ Михайловскаго дворца.
50. Домъ принца Ольденбургскаго
51 Павловскія казармы.
52. Мраморный дворецъ.
53. Дворецъ Е. И. В. В. К. Михаи колаевича.
54. Запасное зданіе Мраморнаго д
55. Памятникъ Суворову.

...ихъ прибылъ ко двору, когда они Римско-Цесарскому Величеству подносили вѣрительныя грамоты и подарки въ Регенсбургѣ на Сеймѣ 18 іюля сего 1576 года."
...оспрещается перепечатывать или воспроизводить въ меньшемъ или большемъ видѣ". Грав. Флюгель.

...чьяго полета. По модели инженеръ-механика Л. Ф. Краббе, грав. М. Рашевскій.

...ворца.
...огскаго.
...Михаила Ни-
...на го дворца.

56. Домъ Англійскаго посольства.
57. Царицынъ лугъ.
58. Конюшенный госпиталь.
59. Мѣсто катастрофы 1 марта.
60. Лебяжья канава
61. Часовня.
62. Лѣтній садъ.
63. Академія Наукъ.
64. Биржа.
65. Таможня.
66. Таможенные склады.
67. Таможенные склады.
68. Обсерваторія университета.
69. Университетъ.
70. I-й кадетскій корпусъ.
71. Частный домъ.
72. Плацъ I-го кадетскаго корпуса.
73. Лютер. цер. Св. Екатерины.
74. Памятникъ Румянцеву.
75. Академія Художествъ.
76. Тучковъ мостъ.
77. Цер. Великомученицы Екатерины.
78. Цер. Андрея Первозваннаго.
79. Маяки (2 колонны).
80. Петропавловскій Соборъ.
81.–82. Петропавловская крѣпость.
83. Александровскій паркъ.
84. Цер. Св. Троицы.
85. Провіантскіе амбары.
86. Зоологическій садъ.
87. Домикъ Петра I.
88. Арсенальный дворъ.
89. Александровскій паркъ.
90. Цер. Св. Владиміра.
91. Ватный буянъ.
92. Пеньковый буянъ.
93. Часовня.
94. Петровскій мостъ.
95. Садъ.
96. Петровскій паркъ.
97. Петербургская часть.
98. р. Ждановка.
99. Малая Нева.
100. Большая Нева.
101. Николаевскій мостъ.
102. Дворцовый мостъ.
103. Троицкій мостъ.
104. Памятн. Екатеринѣ II.
105. Александровскій театръ.
106. Импер. Публич. библіотек
107. Монетный дворъ.

писываютъ нашему ордену? странно улыбаясь отозвался Груберъ. — Изреченіе: „цѣль оправдываетъ средства“ быть-можетъ было дѣйствительно высказано приснопамятнымъ святымъ Игнатіемъ Лойолой. Но это изреченіе надо понимать шире и благочестивѣе. Цѣль въ служеніи Богу оправдываетъ средства, которыми она достигается.

— Ну, да! воскликнулъ Салмоновичъ.—Если я убью человѣка ради пущей славы Божіей, то я не поступилъ противъ шестой заповѣди и я не простой убійца.

Груберъ посмотрѣлъ своими проницательными, острыми глазами въ лицо молодаго человѣка и не нашелъ на немъ ничего лукаваго или двусмысленнаго.

— Конечно, я не убійца тогда! воскликнулъ Салмоновичъ съ поддѣльно-искреннимъ паѳосомъ.—Я приведу примѣръ. Развѣ испанское ауто-да-фе — сжиганіе людей—не было убійствомъ?

— Казнью, а не убійствомъ. Но убійство та же казнь, если на него имѣешь священное право.

— Ихъ сжигали, уничтожали, какъ враговъ Христовыхъ, враговъ служителей Божіихъ, и слѣдовательно это не было убійствомъ.

— Въ этомъ отношеніи вы совершенно правы, выговорилъ Груберъ. — Враги Христовы должны быть обращаемы на путь истинный или уничтожаемы.

— Да развѣ теперь, воскликнулъ Салмоновичъ, — мнѣ есть какая личная выгода отъ того, что я пожелаю уничтожить, стереть съ лица земли князя Яхтомскаго? Никакой! Но его благополучное существованіе является помѣхой святымъ цѣлямъ ордена, и я являюсь вѣрнымъ слугою ордена и устраняю помѣху въ лицѣ, собственно говоря, никому ни на что ненужнаго человѣка.

Груберъ не отвѣчалъ ни слова и въ его кабинетѣ на нѣсколько мгновеній снова воцарилось молчаніе.

— И такъ, отецъ мой, заговорилъ Салмоновичъ,—вы благословляете меня на это дѣло?

— Благословеніе Божіе на всякомъ человѣкѣ, во славу Его подвизающемся, уклончиво отвѣтилъ іезуитъ. — Но, повторяю вамъ, сынъ мой, если вы не надѣетесь на полный успѣхъ, то лучше не начинайте—это главное. Если нѣтъ въ человѣкѣ полной увѣренности въ возможности довести до конца начинаемое имъ, то лучше, если онъ броситъ всѣ свои предначертанія и возьмется за что-либо иное, что̀ чувствуетъ болѣе себѣ по силамъ. Неудача въ чемъ-либо приноситъ всегда большой вредъ дѣлу.

— Объ этомъ не тревожьтесь, ваше господство. Я сказалъ уже „что̀“ намѣренъ сдѣлать, но считаю излишнимъ говорить вамъ, „какъ“ я это сдѣлаю. Человѣку въ вашемъ санѣ не подобаетъ входить въ мелкія подробности какого-либо предпріятія служителя вашего ордена, искренняго и добровольнаго. Я объясняю и обѣщаю вамъ, что въ случаѣ смерти старой княжны Мавроціано, будущей госпожи Бѣлинской, наслѣдникомъ ея не будетъ ея нынѣшній прямой наслѣдникъ. Всѣ права на огромное состояніе перейдутъ прямо моему ученику и воспитаннику, а этого юношу я надѣюсь воспитать такъ, что онъ явится еще болѣе ревностнымъ слугою святой вѣры и вашего ордена.

— Господь не оставитъ васъ Своею милостью за такое дѣло, выговорилъ отецъ Гавріилъ.—Но все-таки я повторяю, я желалъ бы...

И іезуитъ запнулся.

— Я понимаю васъ, отозвался Салмоновичъ. — Уже въ третій разъ, отецъ мой, вы хотите сдѣлать мнѣ вопросъ и не рѣшаетесь. Извольте, я отвѣчу на него прямо. Князь Яхтомскій переживетъ быть-можетъ и васъ, и меня. Онъ лишится только правъ на милліонное наслѣдство. Кромѣ этого онъ не лишится почти ничего. Однимъ словомъ, улыбнулся Салмоновичъ, — я не противъ шестой заповѣди иду.

Лицо Гавріила нѣсколько просвѣтлѣло.

— Помоги вамъ Богъ! громче выговорилъ онъ. — А въ подробности я входить, повторяю вамъ, не желаю. Это ваше дѣло.

— Отвѣтивъ и разрѣшивъ ваше сомнѣніе, заговорилъ Салмоновичъ, — я бы просилъ васъ, отецъ мой, разрѣшить и нѣкоторое недоразумѣніе, нѣкоторое мое сомнѣніе... Отвѣтьте мнѣ тоже на одинъ вопросъ, меня удивляющій. Отвѣтьте мнѣ на нѣчто, что̀ кажется мнѣ какимъ-то недоразумѣніемъ.

— Извольте! Если могу, то отвѣчу прямо.

— Почему вы благоволите Бѣлинскому, допускаете его женитьбу на княжнѣ, потворствуете этой затѣѣ? Онъ мнѣ кажется человѣкомъ ловкимъ, даже отчасти двоедушнымъ. Сдѣлавшись мужемъ семидесятилѣтней старухи, мало-ли чего онъ можетъ достигнуть. Она можетъ сдѣлать завѣщаніе въ пользу молодаго мужа, котораго будетъ обожать. Тогда зачѣмъ же мое дѣло, моя услуга? Она будетъ ни къ чему. Если состояніе перейдетъ въ руки Бѣлинскаго законнымъ образомъ, то существованіе Яхтомскаго становится для ордена безразлично.

— На это, сынъ мой, я не могу отвѣчать вамъ прямо и подробно. Скажу вамъ только, что мы желаемъ этого брака. Бѣлинскій — достойный человѣкъ и нашъ искренній и истинный слуга.

— И вы увѣрены въ немъ, что онъ не обманетъ васъ?

— Никогда!

— Но зачѣмъ же вамъ нуженъ бракъ княжны, когда я обѣщаю вамъ, что наслѣдникомъ ея сдѣлается мой воспитанникъ?

— Согласитесь, дорогой сынъ мой, отозвался Груберъ, тонко, едва замѣтно улыбаясь,—что лучше брать крѣпость съ двухъ сторонъ, чѣмъ съ одной. Если одинъ приступъ будетъ отбитъ, то другой можетъ удаться.

Салмоновичъ ничего не отвѣтилъ, задумался, очевидно пораженный тѣмъ, что̀ узналъ, а затѣмъ поднялся и, получивъ благословеніе отъ отца Гавріила, вышелъ изъ горницы.

„Да. Я услужу вамъ серьезно“, думалъ аббатъ, идя домой. — „Но знайте — не даромъ. Вы должны будете перестать держать меня въ кабалѣ и уничтожить всѣ документы объ этомъ несчастномъ дѣлѣ, изъ-за котораго я попалъ въ ваши руки и поневолѣ служу вамъ рабомъ! Да, я добьюсь этого отъ васъ!“

XXV.

Прошла еще недѣля. Яхтомскій уже настолько оправился, что покинулъ постель и проводилъ день въ креслѣ, слабый, грустный, но спокойный.

Княгиня не появлялась, за то мальчикъ проводилъ почти цѣлые дни съ отцомъ; давалъ ему лѣкарство, поправлялъ подушку въ креслѣ, разсказывалъ ему разныя исторіи изъ своихъ книжекъ, а затѣмъ сталъ читать какія-то нѣмецкія басни и легенды въ переводѣ. Эти дѣтскія исторіи, которыя внимательно слушалъ князь, удивительно подѣйствовали на него: отрадно и успокоительно. Тарасъ конечно тоже не отходилъ отъ барина, хотя князь постоянно отсылалъ его, говоря: „Мнѣ Тоня все сдѣлаетъ“.

Княгиня знала все, что̀ дѣлается въ горницѣ больнаго и ожидала, чтобы князь совершенно оправился, для того, чтобы послать ему большое письмо на четырехъ страницахъ, сочиненное ею вмѣстѣ съ другомъ Салмоновичемъ.

За это время и въ Яхтомскомъ, и въ Юліи Павловнѣ равно происходила душевная борьба. И онъ, и она въ этой борьбѣ пришли къ совершенно противоположнымъ результатамъ, нежели думали вначалѣ.

Князь въ припадкѣ злобы и ревности грубо и рѣзко

поступилъ съ женой, но затѣмъ, постепенно обдумывая свое положеніе, пришелъ къ такому рѣшенію, которое считалъ постыднымъ для себя, почти невѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе неизбѣжнымъ.

Другаго исхода, другаго конца по отношенію къ женѣ онъ не могъ надумать. На рѣшительный шагъ силъ не хватало. Несмотря на все то, что онъ узналъ, онъ чувствовалъ, что все-таки любитъ жену и разстаться съ нею не можетъ. Приходилось мириться, постыдно уступить, простить все и оставаться попрежнему вмѣстѣ.

„Но захочетъ-ли она еще простить меня? Захочетъ-ли она, чтобы я ее простилъ?“ являлось вопросомъ.

И князь былъ готовъ на все на свѣтѣ, чтобы жена позволила ему простить ее.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе страннаго, но понятнаго душевнаго переворота, князь возненавидѣлъ старика, который открылъ ему глаза. Онъ теперь не могъ спокойно видѣть спующаго въ горницѣ Тараса. Когда камердинеръ приближался къ нему или спрашивалъ что-нибудь, князь старался не смотрѣть на него.

„Зачѣмъ? думалось ему.—Холопъ услужливый! Лучше бы мнѣ ничего не знать! Я былъ бы попрежнему счастливъ. Къ чему все это привело теперь? Къ постыдной уступкѣ съ моей стороны, къ моему же униженію.“

Одновременно Юлія Павловна со своей стороны, подъ вліяніемъ объясненія съ Вахтенштейномъ и совѣтовъ аббата, пришла тоже къ совершенно иному результату. Она рѣшила во что бы то ни стало примириться съ мужемъ, оправдаться передъ нимъ, и если онъ что-либо узналъ объ ея поведеніи, то доказать, что всѣ его подозрѣнія ни на чемъ не основаны.

Нѣмецъ-дипломатъ и англоманъ, проводившій половину дня въ гостяхъ со шляпой въ рукахъ и въ безукоризненныхъ свѣтлыхъ перчаткахъ, казалось, и къ жизни относился на извѣстный чопорный ладъ. Онъ тоже касался „въ перчаткахъ“ всѣхъ жизненныхъ вопросовъ, и чѣмъ они были мудренѣе, тѣмъ бережнѣе затрогивалъ онъ ихъ.

Недаромъ князь Вахтенштейнъ говорилъ, что мудреный латинскій девизъ въ его гербѣ, который всѣ филологи переводили на разные лады, онъ готовъ бы былъ замѣнить девизомъ: „золотая середина“.

Княгиня, послѣ своего визита къ теткѣ, стала уже относиться къ Вахтенштейну гораздо любезнѣе, явно намекая на перемѣну въ образѣ мыслей, происшедшую въ ней по отношенію къ его особѣ.

Послѣ рѣзкой сцены съ мужемъ, выгнанная изъ спальни, Юлія Павловна на другой же день, пригласивъ Вахтенштейна одного, вечеромъ, просидѣла съ нимъ наединѣ далеко за полночь. Она откровенно объяснилась съ нимъ, считая себя свободною, считая, что окончательный разрывъ съ мужемъ уже произошелъ, и заявила, что соглашается на его предложеніе.

Къ ея крайнему удивленію, Вахтенштейнъ былъ пораженъ и объявилъ, что все погибло. Для него, его безупречной репутаціи серьезнаго и степеннаго дипломата, занятаго исключительно интересами своего государя и отечества, немыслимо что-либо въ родѣ свѣтскаго скандала, шума и пересудовъ.

Онъ готовъ былъ отказаться отъ своего предложенія. Онъ предполагалъ, что княгиня попрежнему останется въ Петербургѣ въ той же обстановкѣ, что никто изъ постороннихъ не будетъ ничего знать. Положенія же разведенной жены, или хотя бы бросившей мужа, онъ не допускалъ.

— Если васъ перестанутъ принимать въ обществѣ и при Дворѣ, а императоръ будетъ коситься на васъ, то въ какомъ же положеніи буду я — представитель моего монарха. Надо все это устроить! Во что бы то ни стало!

Такимъ образомъ самъ Вахтенштейнъ явился вдругъ примирителемъ супруговъ.

Одновременно и аббатъ, котораго отношенія къ княгинѣ были, конечно, совершенно неизвѣстны нѣмцу, былъ того же мнѣнія.

— Разъѣхаться съ княземъ всегда успѣешь, говорилъ онъ княгинѣ.—Чтобы отдѣлаться отъ мужа, надо съ нимъ оставаться. Это не я выдумалъ. Это мнѣ буквально сказалъ братъ Рафаилъ — негодяй первостатейный, котораго я люблю и уважаю и каждое слово котораго есть золотое изреченіе, есть нѣчто болѣе непреложное, чѣмъ геометрическая аксіома. Тебѣ бы нужно было овдовѣть, выйти замужъ за этого желтаго нѣмца и тогда мы всѣ трое отлично заживемъ. Вчетверомъ неудобно. И если даже вы разъѣдетесь, будетъ князь жить въ деревнѣ, вы не будете видѣться, тѣмъ не менѣе все-таки мы будемъ вчетверомъ. Онъ будетъ путаться между нами. Надо, чтобы положеніе было ясное. Будешь ты женой Вахтенштейна—я буду при васъ, и все пойдетъ прекрасно. Стало-быть, прежде всего надобно съ мужемъ помириться, съ нимъ оставаться, для того чтобы отъ него отдѣлаться.

Княгиня была отчасти испугана такого рода разъясненіемъ дѣла, но Салмоновичъ успокоилъ ее.

— Не убьемъ же мы его, Господь съ тобой! Въ преступники попадаютъ только дураки, а мы—люди умные. Мы отъ него отдѣлаемся.

— Какимъ образомъ? постоянно допытывалась княгиня.

Но Салмоновичъ каждый разъ отвѣчалъ, усмѣхаясь:

— Не твое дѣло! Мой братецъ Рафаилъ, le révérend frère Raphael берется за все. Онъ будетъ меня обучать, а я—тебя, и вмѣстѣ мы обучимъ князя Андрея Николаевича. И въ концѣ концовъ ты выйдешь за князя Вахтенштейна замужъ.

— Ничего не понимаю! недоумѣвала княгиня.

— Понимать покуда и не нужно. Потомъ все поймешь.

Однажды Салмоновичъ явился и объяснилъ Юліи Павловнѣ, что прежде чѣмъ идти объясняться съ мужемъ, или послать къ нему письмо, надо порѣшить какъ-нибудь съ Тарасомъ, удалить его изъ дому.

— Но это невозможно! воскликнула княгиня.

— Это крайне мудрено и крайне просто. Все зависитъ, конечно, отъ князя. Внимательно выслушай! Вотъ что надо тебѣ сдѣлать. Чистые пустяки. А дальше — что князь.

И Салмоновичъ передалъ княгинѣ подробный планъ удаленія Тараса изъ дому.

XXVI.

Прошло два дня послѣ этого объясненія. У княгини были вечеромъ гости. Она была въ духѣ. Князь среди дня присылалъ къ ней Тоню попросить одинъ томъ сочиненій Шекспира. Затѣмъ онъ снова прислалъ сына сказать, что княгиня хорошо бы сдѣлала, если бы съѣздила къ теткѣ, которая часто присылала узнать объ его здоровьи, и поблагодарила бы ее за ея заботы. Однимъ словомъ, князь хотя и не прямо, а черезъ мальчика вступалъ въ сношенія съ женой и даже какъ будто заискивалъ.

Юлія Павловна еще прежде смутно предчувствовала это, но боялась надѣяться. Теперь оказывалось, что она была права. Безхарактерный и попрежнему влюбленный мужъ, очевидно, боролся съ собой, но не смогъ придти къ какому-либо рѣшительному шагу.

За часъ до полуночи Юлія Павловна, весело болтавшая съ дюжиной гостей, пріятельницъ и молодыхъ людей, будто вдругъ вспомнила что-то и вышла въ свою спальню.

Вернувшись опять въ гостиную, она объявила тревожно:

— Странное происшествіе! У меня пропали всѣ брильянты съ туалета.

Гости нѣсколько всполошились. Посыпались вопросы совершенно излишніе:

— Какъ? Когда? Какимъ образомъ?

Салмоновичъ, разговаривавшій въ углу съ какимъ-то офицеромъ, поднялся, переспросилъ княгиню и отвѣтилъ рѣшительно:

— Распорядитесь, княгиня. Надо сію минуту, не теряя ни мгновенія, послать за полиціей. Воръ, очевидно, въ домѣ; какъ бы только не упустить его.

И аббатъ, попросивъ у княгини право распорядиться, принялся за дѣло ловко и спѣшно. Было приказано никого изъ людей не выпускать изъ дому.

Черезъ часъ полиція была уже въ домѣ и просила разрѣшенія прежде всего обыскать людей. Покуда въ гостиной весело болтали и даже княгиня казалась не очень встревоженной,—полицейскій, два сыщика и еще три невзрачныя личности, служащія при полиціи, обыскивали всю многочисленную прислугу, рылись во всѣхъ комнатахъ и каморкахъ, во всѣхъ комодахъ и сундучкахъ.

Не прошло часу, какъ брильянты были принесены въ гостиную. Всѣ ахнули отъ удивленія, но затѣмъ всѣ единогласно согласились, что дѣло самое простое. А вышло все просто только благодаря находчивости Салмоновича.

Воры были уже арестованы, связаны и сидѣли въ нижнемъ этажѣ, въ горницѣ швейцара, въ ожиданіи перевоза ихъ въ острогъ. Воры были: Тарасъ, его жена и дѣти. Брильянты были найдены въ столѣ, принадлежащемъ старому камердинеру. Улики были всѣ на лицо.

Вдобавокъ, когда полиція хотѣла отперсть столъ Тараса и требовала ключъ, старикъ божился, что уже съ полудня ключъ утерянъ и онъ его тщетно искалъ. Или онъ самъ его потерялъ, или же, по его мнѣнію, кто-то укралъ его у него на смѣхъ.

Хотя Тарасъ и предложилъ самъ тотчасъ сломать столъ, заявляя, что тамъ, кромѣ разной мелочи, ничего нѣту, но онъ, очевидно, по мнѣнію полиціи, надѣялся, что столъ ломать не будутъ. Когда ящикъ былъ выломанъ, то брильянты оказались всѣ налицо.

Княгиня не рѣшалась дозволить везти въ острогъ любимца мужа, не доведя невѣроятнаго происшествія до его свѣдѣнія. Идти самой было невозможно, послать было некого. Несмотря на позднее время, она рѣшилась и пошла въ горницу къ сыну.

Тоня давно уже спалъ. Княгиня разбудила его, привела въ себя, велѣла умыться, и когда полу-сонный Тоня былъ на ногахъ, удивленный, отчасти испуганный, княгиня нѣсколько сухо стала приводить его въ полное сознаніе. Она объяснила, что мальчикъ долженъ идти къ отцу и, разсказавъ ему происшествіе, просить разрѣшенія вопроса.

Тоня, явившись къ отцу, крайне удивилъ его своимъ позднимъ появленіемъ.

— Что такое? Отчего ты еще не спишь?! воскликнулъ князь испуганно.

„Неужели она уже покинула домъ?“ пришло ему на умъ съ ужасомъ.

— Важное дѣло. Мама прислала сказать...

И Тоничка разсказалъ то, что̀ случилось въ домѣ. Мальчикъ былъ блѣденъ и взволнованъ.

Князь задумался, опустилъ голову и долго молчалъ, а затѣмъ выговорилъ:

— Скажи мамѣ, что это не наше дѣло. Тарасъ принадлежитъ теперь не намъ. Воръ — собственность властей. Пускай увозятъ!

Мальчикъ явился въ гостиную и передалъ матери рѣшеніе отца.

Черезъ нѣсколько минутъ арестованныхъ уже посадили на извозчиковъ въ сопровожденіи полицейскихъ и увезли изъ дому.

Разумѣется, всѣ они были ни живы, ни мертвы, только одинъ старикъ Тарасъ былъ спокоенъ, слегка блѣденъ, но часто крестился и шепталъ что-то непонятное.

Въ гостиной продолжался веселый говоръ. Только изрѣдка княгиня и Салмоновичъ переглядывались и аббатъ ухмылялся съ крайнимъ довольствомъ на лицѣ.

Когда князь собрался ложиться спать, ему уже прислуживалъ другой лакей, а отсутствіе ненавистнаго теперь Тараса было ему пріятно противъ воли.

Что касается до преступленія Тараса, то князь терялся въ догадкахъ. Онъ былъ увѣренъ, что кто-либо изъ дѣтей его, вѣроятно, одна изъ дочерей, по всей вѣроятности, Марья, совершила его.

„Тамъ видно будетъ! думалъ князь. — По крайней мѣрѣ теперь я избавился отъ этого смутителя“.

Послѣ полуночи всѣ забыли о происшествіи и о Тарасѣ. Одинъ Тоня, въ угольной темной гостиной, принавъ горячимъ лицомъ къ подушкѣ дивана, горько тайкомъ плакалъ. Ему больно было за Тараса и за Софью, которыхъ онъ любилъ.

Мальчикъ былъ почти единственное существо въ домѣ, которое не повѣрило сразу въ то, чего еще вполнѣ объяснить никто въ домѣ не могъ. Всѣ люди говорили: „воровство“. Всѣ изумлялись, восклицая:

— Тарасъ Мосѣичъ?!

Всѣ ничего не понимали, но, однако, будто вѣрили на половину. Но Тоня ясно понималъ и чувствовалъ, что все случившееся—неправда, клевета, грѣхъ...

Няня долго ждала мальчика, волновалась, но была увѣрена, что Тоня у отца, или зря задержанъ въ гостиной матерью.

Наконецъ Тоня появился и тихо вошелъ въ свою дѣтскую горницу. Лицо его было печально и задумчиво, а глаза заплаканы и красны. Онъ увидѣлъ няню, сидѣвшую въ углу на креслѣ съ чулкомъ въ рукахъ, но, ни слова не сказавъ ей и даже не поглядѣвъ на нее, усѣлся на стулъ у темнаго окна.

— Ну что, сердечный? выговорила она, кончивъ рядъ и вытаскивая пятую спицу. — Отчего задержали такъ? Что̀?

— Ничего, тихо отозвался Тоня, не поворачивая къ ней лица.

Марѳа Яковлевна почесала голову концомъ вынутой спицы, помолчала мгновеніе, а затѣмъ, печально ухмыльнувшись, выговорила:

— Да ну... говори ужъ... Вижу. Что̀ тамъ было?.. Заступился небось... Что же было-то?

— Ничего...

Наступило снова молчаніе.

Няня воткнула спицу въ петлю и, вздохнувъ тяжело, начала новый рядъ... Шевелившіяся спицы, кругомъ чулка въ видѣ бѣлаго мѣшечка, засіяли при тускломъ свѣтѣ сальной свѣчи.

Чрезъ мгновенье Марѳа Яковлевна выговорила:

— Пора, Тоничка, почивать. Второй часъ ночи.

— Не хочется, не до сна, няня.

— Ну такъ не упрямся, скажи, Тонюшка, что̀ тамъ толковали, на бѣднаго старика взваливали.

— Что же? Всѣ сказываютъ одно: воровство.

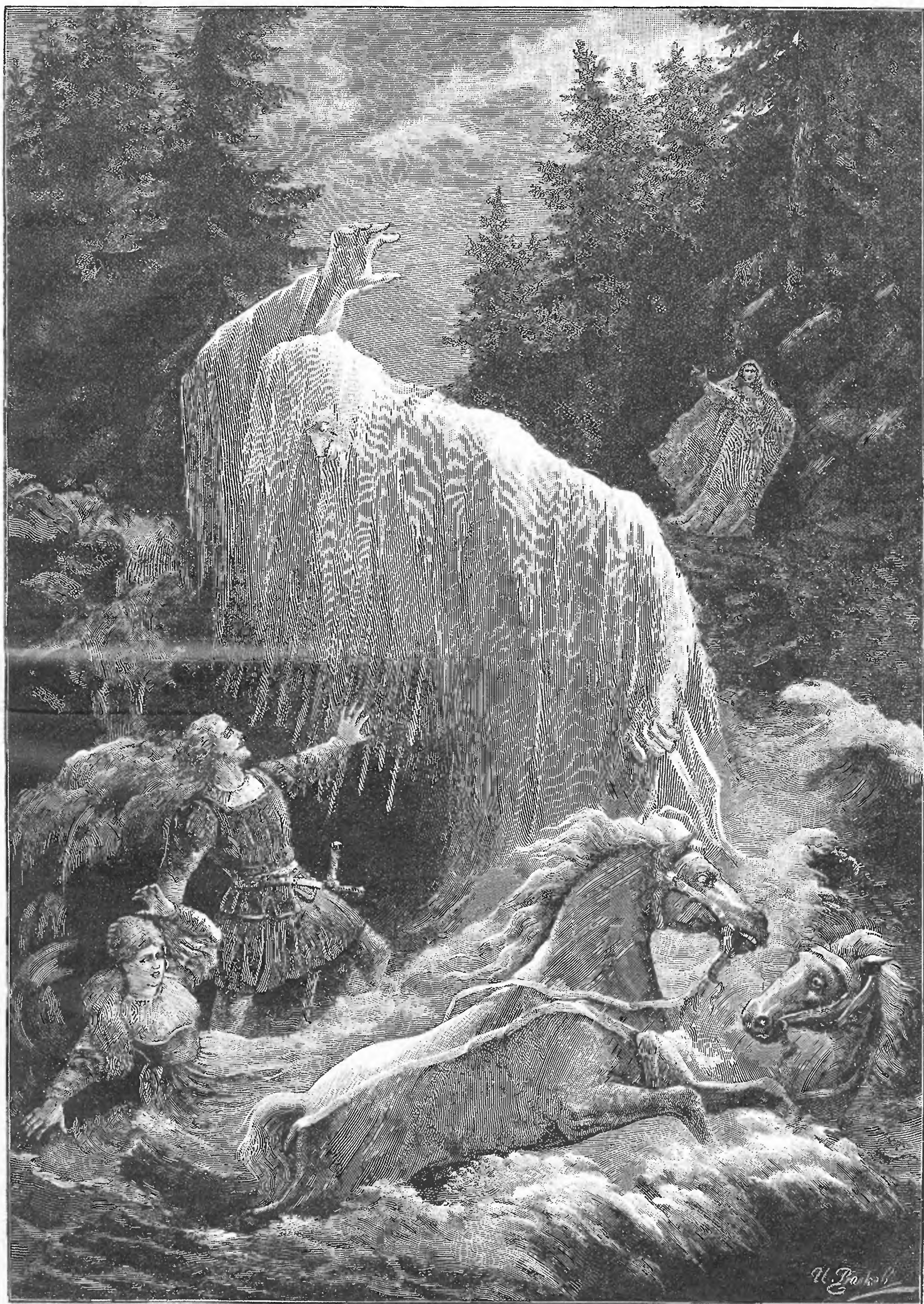
— А что̀ у тебя тамъ спрашивали? Про что̀ рѣчь была? Или чѣмъ разобидѣли тебя?

— Ничѣмъ не разобидѣли меня. А неправда. Грѣхъ... И я знаю. Хорошо знаю. И я мама̀ сказалъ... Она говоритъ—не мое дѣло. Говоритъ: онъ злой человѣкъ. Коли не воръ, то еще хуже.

— Это про Тараса Мосѣича-то она?

— Ну да... Это неправда. Мама̀ налгали про него.

— Вѣстимо напраслина. Но ничего тутъ никто не подѣлаетъ. Чистъ Тарасъ Мосѣичъ, какъ и мы съ то-

Литер. альбомъ. „Ундина“ Жуковскаго. Въ Черной долинѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, грав. Шлипперъ.

бой. И безгрѣшенъ онъ какъ ты—человѣкъ онъ старый и всю жизнь по-христіански прожилъ. Но ничего нельзя. Сильны враги у него... Захотѣли враги погубить—и погубили.

— Ихъ Богъ накажетъ!

— Не говори такъ! Не годно!.. отозвалась няня.

— Отчего? Ты сама говоришь всегда, что за дурныя дѣла Богъ накажетъ.

— Знамо. Знамо. Да не тебѣ этакъ говорить.

— Почему же мнѣ нельзя?

— Потому что кто загубилъ Тараса Мосѣича ты не знаешь, а я знаю... Вотъ я и сказываю, что не долженъ ты такъ говорить: Богъ накажетъ. Грѣхъ это.

— Какъ?.. Грѣхъ, если Богъ накажетъ?

— Да нѣту, дурной ты мой... Пускай Господь накажетъ. Подѣломъ будетъ. Да не тебѣ это говорить.

— Отчего?! воскликнулъ Тоня.—Другіе могутъ это говорить, а мнѣ нельзя. Что я? Маленькій совсѣмъ что ли?

— Не потому.

— Такъ почему? Скажи.

— Не могу, родной. Брось говорить про это.

И Тоня ничего не добился отъ няни.

XXVII.

На утро одинъ только человѣкъ въ домѣ сіялъ радостью и даже не могъ скрыть своего, чуть не восторженнаго состоянія. Это былъ аббатъ-гувернеръ.

— Чего нашъ учитель радуется? замѣтили даже люди.—Чему жидовина зубы скалитъ? Ему что?

Люди въ домѣ какъ-то будто чутьемъ узнали происхожденье Салмоновича и давно окрестили его такъ.

Аббатъ, недавно объяснившійся съ отцомъ Гавріиломъ довольно прямо, снова нѣсколько разъ побывалъ у друга Рафаила и по цѣлымъ вечерамъ бесѣдовалъ съ нимъ о семьѣ Яхтомскихъ, ничего не скрывая.

Рафаилъ встрѣтилъ однажды вечеромъ Салмоновича и, ни слова не говоря, началъ смѣяться и долго смѣялся. Затѣмъ, на вопросъ друга, что съ нимъ случилось, Рафаилъ объяснилъ, что радуется своей новой выдумкѣ насчетъ „господина русскаго князя, патрона“ Салмоновича. И онъ передалъ что̀ надумалъ. Аббатъ-гувернеръ былъ пораженъ... Потомъ онъ сталъ противорѣчить другу, находя его выдумку нелѣпой. А затѣмъ, часа черезъ два, снова слушая молодаго іезуита, онъ пришелъ къ убѣжденію, что другъ Рафаилъ чертовски-изобрѣтателенъ и пожалуй все имъ надуманное хотя и очень, очень мудрено, но однако, при помощи Божьей, исполнимо.

— Ad majorem Dei gloriam! воскликнулъ Рафаилъ.

— Да, конечно. Но и ad majorem utilitatem доминуса Салмоновича! воскликнулъ этотъ.

И съ этого дня аббатъ ходилъ еще болѣе довольный и веселый.

Однажды, поздно вечеромъ, когда явилась возможность вполнѣ безопасно побывать у княгини въ будуарѣ, что̀ случалось не часто, Салмоновичъ явился и долго объяснялъ ей „геніальный и чертовскій планъ“ своего друга Рафаила насчетъ исхода изъ ихъ затруднительнаго положенія.

Аббатъ не все объяснилъ княгинѣ и не рѣшался сказать главнаго, чтобы не испугать ее. Но все-таки Юліи Павловнѣ было достаточно слышаннаго, чтобы стать тревожно-задумчивою.

Полулежа на своей кушеткѣ и облокотясь красивою рукой на подушку, княгиня задумчиво смотрѣла предъ собой и на лицѣ ея, послѣ легкой тревоги, явилось уныніе.

— Какъ трудно жить на свѣтѣ! отвѣтила она аббату и продолжала мысленно:

„Какъ трудно жить на свѣтѣ! Главное—деньги, а всякимъ деньгамъ бываетъ конецъ. У милліона тоже есть послѣдній рубль... Еще не менѣе главное, въ жизни женщины,—любовь. Но и этому чувству быстро приходитъ конецъ. Первый поцѣлуй и сотый—какая разница! Думаешь: вотъ наконецъ нашла человѣка... И все вздоръ! Начинай сызнова... А теперь вотъ! Какъ мудрено все устроить къ лучшему, избавиться отъ мужа, очаровать до безсмыслія Вахтенштейна и побороть его упрямство. Вотъ этому демону все кажется легко, а для меня полная во всемъ путаница. Даже голова идетъ кругомъ...“

Между тѣмъ, покуда княгиня томительно размышляла, Салмоновичъ сидѣлъ передъ ней на небольшомъ стульчикѣ и былъ, повидимому, нѣсколько раздраженъ.

— Ну, что же? выговорилъ онъ послѣ довольно долгаго молчанія.

— Не знаю! отозвалась Юлія Павловна.—Право, не знаю! Все это страшно запуталось, ничего не поймешь.

— Ничего запутаннаго нѣтъ! воскликнулъ аббатъ.—Все это тебѣ такъ кажется. Женскія головы—удивительныя головы! Вѣдь вотъ ты умная женщина, а пустяки тебя озадачиваютъ!

— Да вѣдь тутъ все запутано. Ничего понять нельзя. Никакого исхода нѣтъ.

— А я повторяю въ сотый разъ, что, наоборотъ, ничего запутаннаго нѣтъ. Ну, давай обсуждать, какъ полководцы обсуждаютъ планъ сраженія. Положеніе наше таково же, какія бываютъ всегда на свѣтѣ. Ничто просто, по мановенію жезла волшебника, не дѣлается. Ничего нельзя достигнуть, лежа, вотъ какъ ты теперь, на кушеткѣ. Помѣхи и препятствія есть во всемъ всегда. Даже букашка, которая ползетъ по какому-нибудь листку, встрѣчаетъ едва преодолимое препятствіе, которое нашему глазу даже не видно. Въ нашей жизни, въ нашемъ ползаніи по листочкамъ—тоже препятствія. Но для человѣка сильнаго волей, предпріимчиваго, все это наполовину не существуетъ. Вы разорены; Вахтенштейнъ предлагаетъ явиться на помощь; ты согласна на нее, но князь не согласенъ. Онъ не хочетъ жить и блистать въ Петербургѣ на такія двусмысленныя средства. И это совершенно понятно, совершенно естественно. Ты желаешь его бросить, быть свободной, но нѣмецъ, дипломатъ, щепетильный, охраняющій свою репутацію, какъ зѣницу ока, не хочетъ скандала, боится женщины не только разъѣхавшейся съ мужемъ, но даже разведенной, если бы разводъ былъ возможенъ. Онъ предлагаетъ, чтобы все оставалось по-старому. Князь этого не хочетъ. Ты со своей стороны тоже не очень желаешь, предпочла бы сдѣлаться женою германскаго князя. Тутъ столкновеніе волей разныхъ индивидуумовъ. И вотъ нужно примирить все это, распутать, устроить такъ, чтобы всѣ были довольны. Конечно, кромѣ твоего мужа. Если ты хочешь достигнуть этого, спасти себя и добиться желаемаго, то должна дѣйствовать такъ, какъ я говорю, и главное—не медлить. Мало ли что̀ можетъ случиться! Надо ковать желѣзо, пока горячо.

— Но я не вѣрю въ удачу твоего плана...

— А я вѣрю! воскликнулъ Салмоновичъ.—Я даже увѣренъ, что все устроится гораздо скорѣй, нежели мы думаемъ. Разумѣется, самый конецъ всему будетъ не скоро. Замужество твое будетъ возможно, пожалуй, только черезъ полгода, или годъ, но, въ ожиданіи конца, Вахтенштейнъ согласится на то, на что̀ не соглашается теперь. Онъ не хочетъ сблизиться съ брошенной женой, съ разведенной, но относительно такой, которая свободна по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, ничто не препятствуетъ ему хотя бы даже объявить себя женихомъ. И такъ, пройдетъ полгода, годъ, а затѣмъ вы можете и вѣнчаться, если ты съумѣешь его поработить.

(Продолженіе будетъ).

Изображеніе посольства, отправленнаго Іоанномъ Грознымъ къ императору Максимиліану II, въ 1576 г.

(Рис. на стр. 196 и 197).

Однимъ изъ весьма видныхъ украшеній Императорской Публичной Библіотеки, въ залѣ историческихъ сочиненій, слѣдуетъ считать ту витрину, въ которой помѣщается точный снимокъ съ весьма оригинальной, раскрашенной пражской гравюры, изданной въ 1576 г., тотчасъ послѣ посѣщенія Германской имперіи русскимъ посольствомъ. Самый фактъ прибытія посольства изъ отдаленной, дикой и таинственной *Московіи* уже поразилъ всѣхъ, такъ какъ это государство было тогда столь же мало извѣстно въ Европѣ, какъ внутренняя Африка лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Одежды, физіономіи, обычаи, пріемы, религіозные обряды „этихъ людей, прибывшихъ изъ Московіи", до такой степени поразили всѣхъ современниковъ, что одинъ изъ пражскихъ издателей, *Михаилъ Петтерле*, рѣшился затратить довольно крупную сумму на изданіе полнаго и подробнаго изображенія „Московскаго посольства", въ которомъ оно все было нарисовано въ томъ видѣ, въ какомъ шло на пріемъ во дворецъ императора, неся торжественно дары ему и вѣрющую грамоту. Рядомъ съ этимъ изображеніемъ, въ которомъ многія подробности чрезвычайно важны въ археологическомъ отношеніи, чехъ-издатель помѣстилъ и другое изображеніе, показывающее съ большими подробностями „какъ московиты Богу молятся", какъ они кланяются передъ своими иконами, какъ крестятся, какъ служатъ въ своей походной церкви. Подъ всѣмъ этимъ, довольно длиннымъ, изображеніемъ тянется печатная подпись, въ нѣмецкихъ виршахъ, напечатанная готическими буквами въ видѣ правильно расположенныхъ столбцовъ. Подпись эта въ такой степени наивна, что заслуживаетъ вниманія, какъ памятникъ времени и того весьма ограниченнаго круга свѣдѣній, который въ концѣ XVI вѣка имѣли о нашемъ отечествѣ не только европейцы живущіе на крайнемъ Западѣ, но даже и наши ближайшіе сосѣди, австрійскіе нѣмцы, и наши соплеменники—чехи. Передаемъ эту подпись въ точномъ и близкомъ переводѣ, не выпуская изъ нея ни одного слова:

„Истинное изображеніе посольства или пословъ великаго князя Московскаго къ его императорскому Римскому величеству. Также въ какихъ одеждахъ и какомъ видѣ каждый изъ нихъ явился ко двору, когда они его императорскому Римскому величеству представили вѣрющую грамоту и подарки, въ Регенсбургѣ, на нынѣшнемъ имперскомъ сеймѣ, 18 іюля 1576 г.

„Въ 1576 году, въ Регенсбургѣ, когда тамъ былъ имперскій сеймъ, *появились тамъ разные народы*. Но удивительно то, что великій князь Московскій, смѣлый и отважный, 12 марта отправилъ своихъ пословъ въ Германію. Они, какъ я узналъ, пріѣхали въ Регенсбургъ въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ и были приняты самымъ блистательнымъ образомъ. Его императорское Римское величество, извѣстившись о ихъ прибытіи, отправилъ имъ навстрѣчу свои экипажи, вмѣстѣ съ придворными особами, чтобы ихъ привезли самымъ великолѣпнымъ образомъ. Итакъ они, скоро и живо, были привезены въ ихъ помѣщеніе. Потомъ, 18 іюля, послы пожелали представиться его императорскому величеству, и онъ опять послалъ за ними свои собственныя кареты, вмѣстѣ съ придворными особами. Такимъ образомъ они вскорѣ и поспѣшно были привезены къ его императорскому величеству. Тутъ-то всѣ увидѣли, какъ алебардщики и драбанты стояли въ порядкѣ отъ Императорскаго дворца до Московскаго посольскаго дома. Когда же послы пріѣхали ко дворцу, они, какъ я слышалъ, вышли изъ экипажей и пошли пѣшкомъ, въ порядкѣ, попарно. И кто пожелаетъ, увидитъ ихъ представленными здѣсь, воочію, на рисункѣ. А самые знатные изъ нихъ будутъ названы здѣсь по именамъ.

„*Московское посольство къ его императорскому Римскому величеству:*

„Главный посолъ, князь Захарій Ивановичъ Сугорскій, дворянинъ и намѣстникъ Бѣлозерскій, идетъ впереди, въ червленомъ золотномъ платьѣ и мѣховой шапкѣ.

„Рядомъ съ нимъ шелъ его товарищъ, Андрей Гавріиловичъ Арцыбашевъ, дьякъ, въ синемъ золотномъ платьѣ.

„Во второй парѣ шли принадлежащіе къ посольству дворяне или бояре, какъ-то: Третьякъ Дмитрій Зубатый Старшій, въ бѣломъ платьѣ съ золотыми цвѣтами и высокой шапкѣ.

„Его товарищъ, Мамлей Ивановичъ Илимъ, дворянинъ; въ золотномъ платьѣ съ красно-золотыми цвѣтами.

„Въ третьей парѣ шелъ подьячій, по имени Аѳанасій Михайловичъ Монастыревъ. Онъ несъ вѣрющую грамоту въ красномъ кармазинѣ. Одѣтъ былъ весь въ красномъ. Другой, что подлѣ сего шелъ, просто дворянинъ, въ голубомъ шелковомъ платьѣ.

„Въ какомъ платьѣ, нарядахъ и уборахъ, по своему обычаю, шли пятеро пословъ къ его императорскому Римскому величеству, о томъ дастъ понятіе этотъ рисунокъ.

„Тотчасъ за этими послами слѣдовали двадцать особъ менѣе знатныхъ. Между прочимъ, въ числѣ ихъ были и два мальчика прислуживавшіе имъ. Изъ числа помянутыхъ особъ болѣе важные несли подарки, которыми великій князь Московскій почтилъ его императорское Римское величество.

Подарки были слѣдующіе:

„Во-первыхъ, главный посолъ поднесъ, отъ имени своего государя, великаго князя Московскаго, его императорскому величеству, сорокъ соболей, и отъ своего имени также сорокъ соболей.

„Дьякъ посольства поднесъ его императорскому величеству также сорокъ соболей. Другіе, каждый, дали по сорока соболей.

„Подьячій поднесъ его императорскому величеству пару соболей и обоимъ молодымъ принцамъ, сыновьямъ его императорскаго величества, также по парѣ соболей.

„Когда означенное посольство поднесло свои подарки и исполнило свои порученія, оно было отвезено домой попрежнему, со всѣми почестями. И потомъ его императорское величество угостилъ ихъ обѣденнымъ столомъ. А 15 сентября они все совершенно покончили и получили отъ императора съ удовольствіемъ подарки. 17 числа они собрались и всѣ вмѣстѣ поѣхали обратно домой.

Заключеніе.

„И такъ, послѣ того, какъ великій князь пожелалъ обратиться къ Римскому императору для пользы и блага христіанству, и чтобы мужественно дать крѣпкій отпоръ Турку,—мы должны теперь просить Бога, чтобы Онъ соизволилъ помилосердовать с насъ и своею могучею десницею защитилъ насъ отъ Турка и всего его войска, и далъ намъ спасти славу своего имени. Также, чтобы Онъ отечески призрѣлъ свое бѣдное христіанство и сохранилъ насъ повсюду при Своемъ благомъ Словѣ, дабы мы могли, наконецъ, черезъ Его Святое имя быть вѣчно блаженными. Аминь".

Въ концѣ этой длинной рацеи припечатана императорская привилегія Михаилу Петтерле, издателю въ Прагѣ, предоставляющая ему единственное право пользованія этимъ рисункомъ и воспрещающая всякія копіи, контрафакціи и воспроизведенія.

Рисунокъ, воспроизводимый нами вопреки привилегіи, данной издателю императоромъ Максимиліаномъ II, очень замѣчателенъ по своимъ подробностямъ, которыя, очевидно, воспроизведены современнымъ художникомъ съ величайшею точностью. Это можно видѣть и по узорамъ матерій на кафтанахъ и шубахъ пословъ, и по тщательной отдѣлкѣ фигуръ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою экспрессію и даже опредѣленный типъ. Еще болѣе видно это по одной любопытной подробности, которую художникъ не могъ, конечно, придумать самъ, а зарисовалъ съ натуры. Эта подробность, — имѣющая важную цѣну археологическую, — заключается въ способѣ увязки и поднесенія собольихъ сороковъ, которые такъ бережно несутъ нѣкоторые изъ членовъ посольства. Эти сорока соболей связаны мордками кверху, хвостами книзу, и только прикрыты поверхъ спинокъ и черевовъ матерчатыми чехлами, за сборки которыхъ послы и свита ихъ и несутъ эти безцѣнные въ то время дары дальняго Востока его императорскому Римскому величеству.

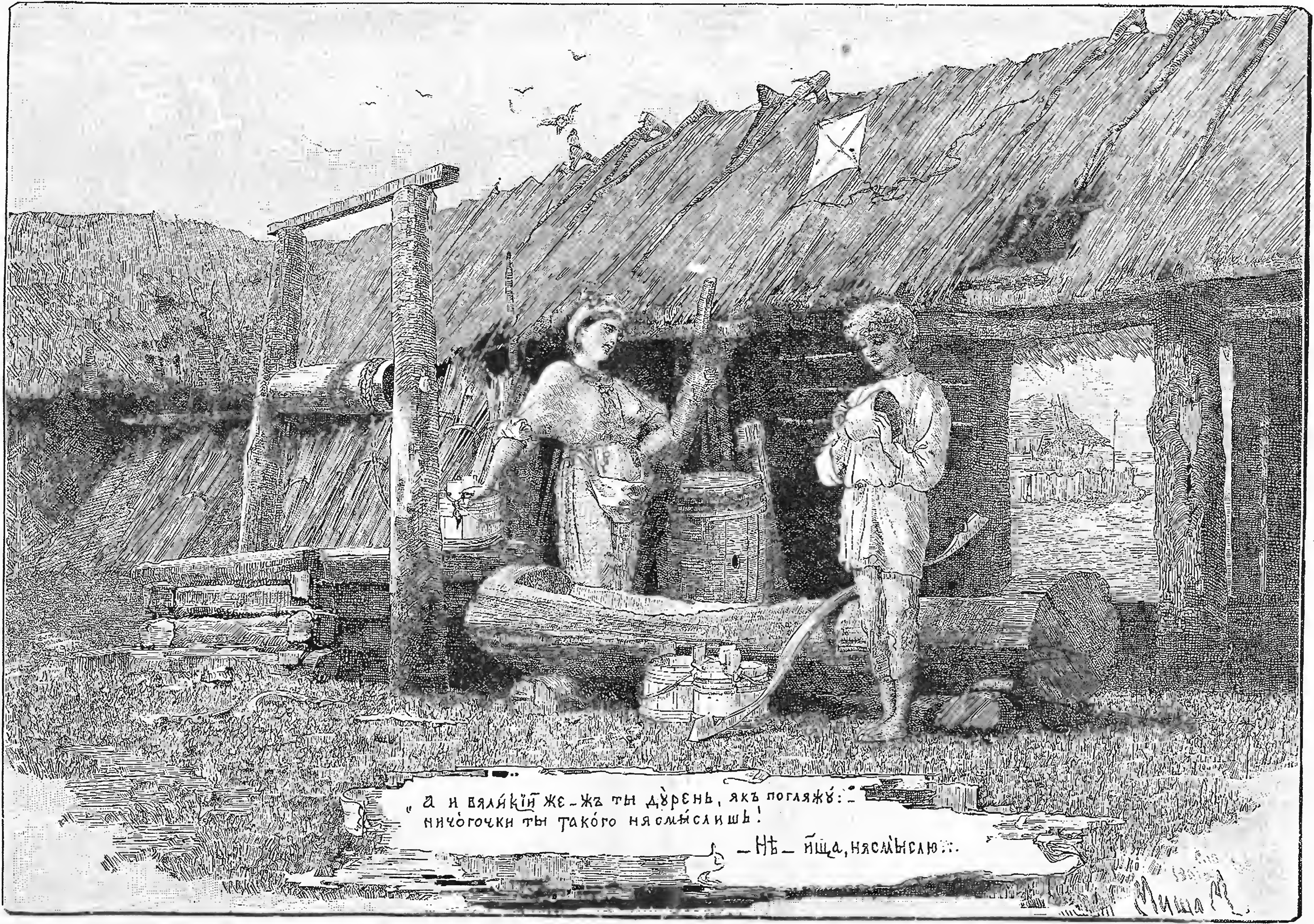
Другую половину изображенія, представляющую богослуженіе въ походной посольской церкви, мы не воспроизводимъ, потому что для насъ, русскихъ, она не имѣетъ никакого, ни художественнаго, ни научнаго интереса. **П. Полевой.**

Видъ центральной части Петербурга съ высоты птичьяго полета.

(Рис. на стр. 196 и 197).

Любопытный рисунокъ, предлагаемый нами читателямъ нашимъ въ настоящемъ № *Нивы*, даетъ довольно точное и ясное понятіе о громадности того города, который въ настоящее время принадлежитъ несомнѣнно къ красивѣйшимъ столицамъ Европы и такъ часто величается въ произведеніяхъ творчества „Сѣверною Пальмирою". Несмотря на то, что Санктъ-Петербургъ (или *Питеръ*, какъ привыкъ его называть народъ) принадлежитъ въ ряду европейскихъ столицъ къ числу городовъ наиболѣе новыхъ (ему нѣтъ еще и двухсотъ лѣтъ), онъ можетъ и по красотѣ своей, и по быстротѣ роста соперничать съ большинствомъ старыхъ столичныхъ городовъ; а по населенности, по удобствамъ жизни, по возрастающему богатству своему, по распространенности торговли и фабричной производительности — Петербургъ давно уже обогналъ многія изъ столицъ Европы, существовавшія уже и тогда, когда европейцы еще не имѣли понятія объ отдаленной Московіи.

Новая столица обширнаго Россійскаго государства, по смѣлому замыслу Великаго Преобразователя Россіи, была осно-

Бѣлорусскія сцены. Ориг. рис. (собств. „Нивы") М. О. Микѣшина, грав. fac-simile Флюгель.

Силуэты изъ военной жизни. Ориг. рис. (собств. „Нивы") М. Ф—ума, грав. fac-simile М. Рашевскій.

вана имъ какъ разъ въ самый разгаръ столь трудной борьбы Петра съ Карломъ XII, королемъ Шведскимъ. Овладѣвъ, послѣ тяжкихъ усилій и пожертвованій, выходомъ въ Неву изъ Ладожскаго озера, Петръ, послѣ взятія *Нотебурга* (сильной шведской крѣпости, переименованной имъ въ *Шлиссельбургъ—Ключъ-городъ*), рѣшился утвердиться на берегахъ Невы. Овладѣвъ шведскою крѣпостью *Нэншанцемъ*, которая послѣ паденія Нотебурга уже не могла держаться противъ русскихъ войскъ, Петръ I заложилъ на Заячьемъ островѣ, у праваго берега Невы, основаніе собора во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла и одновременно съ этой закладкой сталъ строить на томъ же островѣ земляную крѣпость, которую назвалъ *Петербургомъ*, въ „свое государево имя". Это достопамятное событіе совершилось 29 іюня 1703 года, въ самое тезоименитство государя. Цѣлью заложенія крѣпости была защита невскихъ береговъ отъ вторженія шведской флотиліи со стороны моря. Цѣль эта была достигнута — шведы въ Невѣ уже болѣе не показывались, но блокировали устья Невы до самыхъ заморозковъ въ теченіе всего 1703 года и этимъ побудили Петра изыскать новыя мѣры къ защитѣ возникающаго Петербурга. Когда въ слѣдующемъ 1704 году шведская флотилія явилась въ Финскомъ заливѣ — она уже не могла подойти къ устьямъ Невы, потому что главный фарватеръ былъ защищенъ крѣпостью *Кроншлотомъ*, воздвигнутою на островѣ Котлинѣ. Обезпечивъ такимъ образомъ постройку новаго города отъ наиболѣе опасныхъ нападеній шведовъ со стороны моря, Петръ дѣятельно принялся работать надъ осушеніемъ мѣстности, избранной имъ для города, надъ распредѣленіемъ частей города по обоимъ берегамъ Невы, надъ вырубкою лѣсовъ, которые густою чащею росли всюду по берегамъ рѣки и островамъ въ ея устьѣ. Около Петропавловскаго собора (№ 80 на нашемъ планѣ) растянулись укрѣпленія крѣпости (№ 82—81), въ которой сосредоточились важнѣйшія казенныя учрежденія и склады. Кругомъ крѣпости, по правому берегу Невы, на такъ-называемой Петербургской Сторонѣ, сталъ густо застраиваться городъ Петра. Прежде всего явился здѣсь древнѣйшій изъ Петербургскихъ храмовъ—церковь Св. Троицы (№ 84), доселѣ уцѣлѣвшая въ своемъ прежнемъ, скромномъ видѣ. Отъ этой церкви и мостъ, перекинутый черезъ Неву, около крѣпости (№ 103), получилъ названіе Троицкаго. Невдалекѣ отъ Троицкой церкви, на берегу Невы, выстроился и такъ-называемый *домикъ Петра* (№ 87), замѣнявшій великому монарху великолѣпный дворецъ и построенный по образцу того саардамскаго домика, въ которомъ онъ жилъ и плотничалъ нѣкогда на Саардамской верфи. Одновременно съ заселеніемъ Петербургской Стороны, стала заселяться и оконечность ближайшаго къ крѣпости *Васильевскаго острова*, лежащаго между Большою Невою (№ 100) и Малою Невою (№ 99). Здѣсь знаменитый любимецъ Петра, Александръ Меншиковъ выстроилъ себѣ громадныя и роскошныя палаты (нынѣшнее зданіе 1-го кадетскаго корпуса, № 70), а немного позже воздвигнуто было и зданіе нынѣшняго Университета (№ 69), въ которомъ сосредоточены были всѣ важнѣйшія государственныя учрежденія, подъ названіемъ „Двѣнадцати коллегій". Пловучій мостъ, поставленный противъ Меншиковскихъ палатъ, соединялъ Васильевскій островъ съ противуположнымъ, лѣвымъ берегомъ Невы и получилъ названіе *Исаакіевскаго*, такъ какъ онъ упирался въ площадь, на которой, близъ нынѣшняго великолѣпнаго Исаакіевскаго собора, стояла въ Петровское время скромная небольшая церковь Св. Исаакія Далматскаго. Нынѣ на той же самой площади возвышается прекрасный памятникъ Петру Великому (№ 9), воздвигнутый при Екатеринѣ II, а бывшій Исаакіевскій мостъ подняли выше по Невѣ и поставили около Зимняго дворца (№ 1), почему и придано ему названіе Дворцоваго (№ 102). Какъ разъ противъ Меншиковскихъ палатъ, на лѣвомъ берегу Невы, въ Петровское же время были заложены верфи для судовъ и обширное *Адмиралтейство* (№ 10), окруженное высокими валами и глубокими рвами, т. е. укрѣпленное на случай нападенія съ моря или съ суши. Отъ этого Адмиралтейства и вся часть города, еще при Петрѣ возникшая на лѣвомъ берегу рѣки, получила названіе *Адмиралтейской*. Здѣсь построили себѣ дома многіе изъ сподвижниковъ Петровыхъ, и онъ самъ заложилъ вскорѣ Лѣтній дворецъ, а около него приказалъ развести обширный *Лѣтній садъ* (№ 62), и донынѣ составляющій одно изъ лучшихъ украшеній Петербурга. Около Лѣтняго сада расположенъ былъ, по желанію Петра, и тотъ обширный *Царицынъ лугъ* (№ 57), на которомъ происходили упражненія войскъ петербургскаго гарнизона и народныя увеселенія [1].

Ознакомившись, такимъ образомъ, съ главнымъ остовомъ Петербурга въ то время, когда онъ еще только зачинался „по мановенію" Великаго Петра, мы уже безъ особаго труда можемъ дополнить эту первоначальную основу столицы дальнѣйшими наслоеніями. При ближайшихъ преемникахъ Петра тѣ части города, которыя первоначально имѣли наибольшее значеніе, пріютившись поближе къ крѣпости, стали мало-по-малу это значеніе утрачивать, и въ настоящее время Петербургская Сторона представляетъ собою мѣстность, населенную небогатымъ мѣщанствомъ и чиновничествомъ. Васильевскій островъ сталъ преимущественно средоточіемъ всякаго рода учебныхъ и ученыхъ учрежденій (Академія Наукъ, 63, Университетъ, 69, Академія Художествъ, 75) и центромъ торговымъ, такъ какъ здѣсь видимъ и Биржу (64) съ ея громадными ростральными колоннами, и Таможню (65) съ ея обширными складами (67). Главное, первенствующее значеніе въ столицѣ пріобрѣла именно Адмиралтейская Сторона, на которой стали постепенно строить дворцы за дворцами, палаты за палатами. Около дворцовъ и палатъ явились прекрасные, тѣнистые сады, бульвары, скверы, протянулись прямыя, широкія улицы, раскинулась красивѣйшая въ свѣтѣ громадная набережная Невы, на которой дворцы тянутся почти непрерывнымъ рядомъ: Мраморный дворецъ (52), дворецъ В. Кн. Михаила Николаевича (53), далѣе дворецъ В. Кн. Владиміра Александровича и громадное зданіе Зимняго дворца (№ 1). Позади Зимняго дворца находится обширная Александровская площадь съ воздвигнутою на ней громадной Александровской колонной, въ память Александра Благословеннаго (№ 2). Эту площадь, въ значительной части ея, огибаетъ колоссальное подковообразное зданіе Главнаго Штаба (№ 4). Далѣе, отъ Адмиралтейства, широкими лучами расходятся въ трехъ направленіяхъ три весьма важныя улицы-артеріи: Невскій проспектъ (16), Гороховая (33) и Вознесенскій проспектъ (на немъ возвышается памятникъ императору Николаю I, № 30). Невскій проспектъ соединяетъ прилежащія къ Адмиралтейству части Петербурга съ отдаленною Александро-Невскою лаврою и проходитъ мимо Казанскаго собора (36), Думы (46) и Гостинаго Двора (45), по богатѣйшимъ и населеннѣйшимъ мѣстностямъ столицы [2]. Гороховая проходитъ по самому центру Петербурга, вплоть до Загороднаго проспекта, по кварталамъ, населеннымъ преимущественно ремесленниками, промышленниками и мелкими торговцами. Вознесенскій проспектъ соединяетъ прибрежныя части Петербурга съ отдаленными кварталами, въ которыхъ расположены Балтійскій и Варшавскій вокзалы желѣзныхъ дорогъ. Между Исаакіевскимъ соборомъ (29) и церковью Благовѣщенія (24) пролегаетъ широкій Конногвардейскій бульваръ, который проходитъ мимо обширныхъ Конногвардейскихъ казармъ (21—23) и заканчивается у дворца Вел. Кн. Николая Николаевича (19). Мимо этого дворца проходитъ прямая улица къ Николаевскому мосту (101)—первому каменному постоянному мосту, построенному при императорѣ Николаѣ I для соединенія Васильевскаго острова съ центромъ города. Въ данную минуту движеніе отъ окраинъ города къ центру возросло въ такой степени, что этотъ монументальный мостъ—нѣкогда считавшійся дивомъ строительнаго искусства—уже оказывается недостаточно широкимъ... Являются уже проекты новаго моста (каменнаго и широкаго) на мѣстѣ Дворцоваго; а Дума готовится осуществить колоссальный планъ постройки постояннаго моста на мѣстѣ Троицкаго. Городъ растетъ и ширится во всѣ стороны, захватывая всюду новыя и новыя территоріи, присоединяя къ себѣ подгородныя слободы. Каналы и рѣчки, съ великимъ трудомъ и тщаніемъ проведенные Петромъ по территоріи его топкаго и туманнаго „Парадиза", начинаютъ уже засыпать, чтобы очистить больше мѣста для улицъ и бульваровъ, чтобы приготовить готовое полотно для городскихъ желѣзнодорожныхъ линій... Наконецъ, въ послѣднее время, осуществилась и давнишняя мечта петербургскаго торговаго міра: столица, благодаря Морскому каналу, сдѣлалась *портомъ*, въ который приходятъ съ моря корабли съ самой большой осадкой. „Градъ Петровъ" красуется и стоитъ твердо на своемъ побережьи, выполняя въ точности завѣщаніе Великаго Преобразователя Россіи.

П. Полевой.

Силуэты изъ военной жизни.

(Рис. на стр. 205).

Новая серія силуэтовъ г. М. Ф—ума относится къ военно-педагогической и къ строевой офицерской средѣ. Рисунки молодаго художника-любителя представляютъ характерныя, тонко подмѣченныя сцены изъ жизни кадетскаго корпуса, военнаго училища, роты и полковаго офицерскаго общества. Отличительная черта этихъ рисунковъ заключается въ полномъ отсутствіи какой-нибудь предвзятой тенденціи; въ нихъ видно простое, добродушное отношеніе художника къ тому міру, который онъ избралъ предметомъ своихъ наблюденій; а потому и юморъ въ изображаемыхъ имъ сценахъ скорѣе способенъ привлечь симпатію къ военнымъ людямъ, чѣмъ оттолкнуть отъ нихъ.

Посмотрите на этого пожилаго воспитателя, дающаго наставленіе увольняемому въ отпускъ кадету. Это типъ стараго военнаго педагога, работавшаго десятки лѣтъ надъ чужими

[1] И въ настоящее время назначеніе его не измѣнилось.

[2] Въ самомъ началѣ Невскаго, около 16 № на планѣ, пріютилась и редакція *Нивы*.

дѣтьми и несомнѣнно любящаго эту работу. Онъ такъ привыкъ къ однообразному режиму своего заведенія, къ кадетскому шуму, къ обстановкѣ рекреаціоннаго зала и классовъ, къ процедурѣ увольненія мальчиковъ въ отпускъ, къ своему собственному покрикиванію и т. д.,—такъ сжился и сроднился съ этимъ, что у него нѣтъ уже другой сферы, гдѣ бы онъ могъ съ такимъ же увлеченіемъ проявлять свою энергію. Отымите у него эту работу, и онъ навѣрно зачахнетъ, опустится, какъ это всегда бываетъ со стариками, оторванными отъ многолѣтняго любимаго дѣла.

Почтенная, но въ высшей степени однообразная дѣятельность наложила отпечатокъ даже на внѣшность этого педагога, вылила изъ него фигуру хорошо всѣмъ намъ извѣстную. Кто не видѣлъ этой бороды, подстригаемой въ пятилѣтніе сроки; симпатичной лысины съ кустиками мягкихъ волосъ; сюртука съѣзжающаго съ круглаго живота на грудь; брюкъ безъ штрипокъ и шпоръ съ засорившимися, глухо звенящими кольцами? Кто изъ военныхъ, будучи кадетомъ, не мигалъ глазами передъ жестикулирующею рукой этого почтеннаго наставника и не начиналъ шалить еще больше послѣ того, какъ эта рука опустится?

Маленькій головастикъ, стоящій на вытяжку передъ воспитателемъ, навѣрно за полчаса передъ этимъ прятался за него, играя съ товарищами въ „пятнашки" и, увлеченный игрой, хватался съ разбѣга за его фалды. Мальчикъ представленъ слабенькимъ, дурно сложеннымъ, какъ большинство нашихъ современныхъ дѣтей; но онъ современемъ выправится, потому что находится въ заведеніи, гдѣ физическое воспитаніе поставлено на твердую почву. Кромѣ гимнастики, представляющей главную отрасль этого воспитанія, въ корпусахъ теперь преподаются: фронтъ, фехтованье, плаваніе, вольныя игры, танцы, музыка и ручной трудъ. Для преподаванія всего этого установлена строгая система, соображенная съ послѣднимъ словомъ заграничныхъ школьныхъ авторитетовъ. Такимъ образомъ умственный трудъ отнынѣ будетъ чередоваться съ физическимъ, и навѣрно того кадетика (въ первой группѣ), который такъ старательно готовитъ урокъ, скоро вытащатъ маршировать, играть въ мячъ на плацу или работать въ мастерской для ручнаго труда.

Слѣдующія двѣ фигуры чрезвычайно жизненны; онѣ и еще „деньщикъ ведущій дѣтей" (послѣдняя группа), пожалуй, выше всѣхъ другихъ по экспрессіи. Пажъ, аристократъ, сынъ генерала, встрѣчаетъ своего пріятеля, вѣроятно, юнкера одного изъ военныхъ училищъ. Онъ радъ, что встрѣтился съ нимъ и готовъ съ дѣтскимъ радушіемъ подать ему обѣ руки; но такъ поступать не принято, потому что у него каска, черное пальто съ золочеными пуговицами, а можетъ-быть и камеръ-пажескія нашивки. Онъ гордо стоитъ, заложивъ руки въ карманы, но слушаетъ пріятеля внимательно, потому что любитъ его; ему самому видно хочется быть проще, но какая-то традиціонная жилка, непріятная для него самого, безпощадно надъ нимъ властвуетъ. Юнкеръ — типъ приличнаго и представительнаго молодаго человѣка, готовящагося въ офицеры: онъ изящно одѣтъ въ сѣрую солдатскую шинель; держится стройно; лицо неглупое, спокойное; взглядъ симпатичный и въ мѣру добродушный. Онъ разговариваетъ съ пажомъ, какъ со всякимъ товарищемъ, и даже не унижается до упрека пріятелю за его надменность. Пажъ, можетъ-быть, сознаетъ превосходство юнкера въ умѣніи себя держать, и это сознаніе, вѣроятно, заставляетъ его краснѣть.

На слѣдующемъ рисункѣ изображенъ избалованный кадетъ, ухаживающій за своей кузиной. Онъ куритъ, похищенную у отца, а можетъ-быть и свою собственную, секретно купленную папиросу; подбоченивается, лихо выставляетъ ногу и этимъ даетъ понять дѣвочкѣ, что онъ уже большой и потому можетъ ухаживать. Онъ влюбленъ, какъ вообще влюбляются дѣти, преимущественно воображеніемъ: ему нравится не кузина, а какая-нибудь черточка въ ней, напримѣръ, застѣнчивая улыбка, которою она его встрѣчаетъ, когда онъ приходитъ изъ корпуса въ отпускъ. Послѣ долгаго свиданія кузина можетъ-быть и надоѣдаетъ ему, о чемъ можно судить по небрежности, съ которой онъ разговариваетъ съ ней на картинкѣ; но впечатлѣніе застѣнчивой улыбки все-таки остается, и онъ уноситъ его въ корпусъ, задумывается, рисуетъ желанный образъ, который опять-таки воплощается въ кузинѣ. За скучнымъ урокомъ какого-нибудь нѣмца, мальчикъ вычисляетъ дни, часы и минуты, оставшіеся до того момента, когда онъ будетъ имѣть право сдѣлать кузинѣ предложеніе. Такія упражненія иногда приносятъ сюрпризъ учителю математики, въ видѣ хорошаго знанія лѣнивымъ кадетомъ таблицы умноженія.

Слѣдующій рисунокъ представляетъ двухъ юнкеровъ, занимающихся мензульной съемкой съ инструментомъ, выданнымъ на двоихъ. Одинъ юнкеръ очень старательный и, вѣроятно, работаетъ за себя и за товарища; а другой сидитъ да покуриваетъ, но считаетъ своею непремѣнной обязанностью донимать товарища совѣтами и замѣчаніями, которыя тотъ, повидимому, принимаетъ благодушно, несмотря на то, что навѣрно лучше учится и лучше совѣтчика понимаетъ свое дѣло.

На рисункѣ, представляющемъ примѣрку офицерскаго платья выпускнымъ юнкеромъ, немножко вяла фигура юнкера, но портной схваченъ художникомъ отлично, несмотря на то, что представленъ въ нѣсколько карикатурномъ видѣ. Это подвальный кротъ, типъ перебивающагося петербургскаго ремесленника. Онъ сгорбленный, изможденный, но, несмотря на это, юркій, веселый и разговорчивый со своимъ кліентомъ. Съ появленіемъ такого портнаго вся комната начинаетъ пахнуть подкладочнымъ клейстеромъ, лукомъ, подвальной сыростью. Глядя на этого бодраго старичка, вы всегда удивляетесь, какъ это онъ можетъ быть веселымъ и здоровымъ, живя подъ горизонтомъ, въ смрадной сырости, шлепая по улицѣ въ изорваныхъ сапогахъ и употребляя въ пищу говядину, отъ которой воротитъ носъ у вашей кухарки; какъ онъ до сихъ поръ не потерялъ глазъ, работая десятки лѣтъ при жестяной лампочкѣ безъ всякаго абажура и т. д. Между тѣмъ какъ вы сами постоянно ходите съ гриппомъ, чувствуете общее недомоганіе и жалуетесь на глаза, живя въ опрятной и сухой квартирѣ, питаясь лучшими дарами природы и постоянно замѣняя свои дорогія лампы еще лучшими, только-что изобрѣтенными.

Хороши также мальчики, принесшіе выпускному юнкеру офицерскіе сапоги и коробку съ фуражкой. Нечего и говорить, что и портной и мальчики чрезвычайно симпатичны будущему офицеру, потому что самъ онъ счастливъ, сдавъ послѣдній экзаменъ и чувствуя приближеніе свободы.

На слѣдующемъ рисункѣ изображенъ бравый молодой офицеръ, подходящій къ начальнику съ рапортомъ. Намъ кажется, что на лицѣ этого офицера слѣдовало бы изобразить больше волненія; онъ дѣлаетъ пріемъ слишкомъ спокойно, какъ будто практикуется передъ зеркаломъ.

Далѣе идетъ обученіе прикладкѣ. Это сцена очень интересная: солдатъ чего-то не понимаетъ въ мудреной для него техникѣ стрѣлковаго дѣла, а офицеръ волнуется, потому-что объяснять двадцать разъ одно и то же, пожалуй, можетъ и надоѣсть. Еще было бы интереснѣе, если бы художникъ взялъ сцену изъ прежней школы, когда отъ солдатъ требовалась не только практика, но и теорія стрѣльбы. Понятно, что люди, взятые отъ сохи, не могли вмѣстить у себя въ головѣ воображаемыхъ математическихъ линій (ось канала, траэкторія и т. д.), а потому эти линіи изображались для наглядности нитками, продѣтыми въ ружье. При этомъ происходили интересныя сцены.

— Что такое „ось канала"? спрашиваетъ солдата офицеръ.

Солдатъ переминается на ногахъ, шепчетъ про себя что-то заученное и боится произнести его невпопадъ.

— Ну что же?

— Запамятовалъ, ваше высокоблагородіе.

— Какъ запамятовалъ?.. Подойди къ ружью, посмотри!

Солдатъ подходитъ ко вставленному въ станкѣ ружью, заглядываетъ въ стволъ, опять переминается на ногахъ и безнадежно вздыхаетъ. Крапинки пота выступаютъ отъ мозговыхъ усилій на его лбу.

— Такъ что „ихъ" сейчасъ здѣсь нѣту, отвѣчаетъ онъ, изъ уваженія къ офицеру называя „ось"—„они".

— Чего—„ихъ"?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе,—„оси".

— Какъ?!

— „Оси", ваше высокоблагородіе: взводный, Иванъ Матвѣевичъ, вынули.

Офицеръ начинаетъ развивать понятіе о линіи, но безуспѣшно: для солдата ось канала навсегда останется ниткой, которую вчера продѣвали въ ружье и которая сегодня лежитъ у взводнаго въ карманѣ.

Слѣдующій рисунокъ представляетъ хозяйственный докладъ фельдфебеля. Этотъ фельдфебель уже не лихачъ, не „Егорычъ", а изъ новыхъ; но въ немъ сохранились и нѣкоторыя черты „Егорыча". Старичокъ ротный командиръ сидитъ, вѣроятно, за ротной книгой, въ которую каждый мѣсяцъ вносится обычный приходъ и расходъ; но, вѣроятно, есть и какія-нибудь новшества, потому что фельдфебель о чемъ-то хлопочетъ и даже водитъ по цифрамъ указательнымъ пальцемъ—привычка немножко фельдшерская, передъ которой настоящій „Егорычъ" навѣрно бы ужаснулся. На всякое замѣчаніе ротнаго командира фельдфебель отвѣчаетъ:

— Э... слушаю, ваше высокоблагородіе... понимаю!

— А это что за расходъ? спрашиваетъ командиръ.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, осмѣлюсь вамъ доложить: командиръ въ первой ротѣ очень довольны остались,—тамъ лѣстницу краснымъ песочкомъ посыпаютъ, когда ждутъ начальства; такъ я и своему артельщику—красный велѣлъ куплять.

— Ага!.. спасибо, что догадался.

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!.. И опять же, ваше высокоблагородіе, осмѣлюсь вамъ доложить... и т. д.

Очень недурна фигура засидѣвшагося въ оберъ-офицерскихъ чинахъ капитана, который, вѣроятно, уже выслужилъ пенсію и мечтаетъ о подполковничьемъ чинѣ.

Деньщикъ, ставящій самоваръ, схваченъ очень живо. Никто на свѣтѣ такъ скоро не раздуетъ самовара, какъ офицерскій деньщикъ. Онъ сейчасъ накладываетъ уголья, а черезъ нѣсколько секундъ начнетъ дуть такъ сильно, какъ, можетъ-

быть, никогда въ жизни не дулъ для себя, для своей собственной надобности. Неопытнаго денщика приходитъ „поднаустрять“ „дядя“ (фельдфебель), и по временамъ, сердито отстраняя его своей жилистой рукой, самъ начинаетъ выдувать въ самоваръ воздухъ изъ своей могучей груди, какъ изъ кузнечнаго мѣха. Сосѣдніе люди, бивакирующіе впереди капитанской палатки, тоже приходятъ помогать денщику насчетъ растопки. Все это искренно старается для капитана, особенно если „они“ (капитанъ), какъ выражаются солдаты, „господа добрые“. Позади видна палатка, изъ которой торчатъ ноги другаго денщика. Его сейчасъ позовутъ, и онъ схватится, какъ сумасшедшій, и будетъ божиться, что не спалъ.

Если рота уходитъ куда-нибудь налегкѣ, безъ обоза, то случается, что денщикъ тащитъ не только закуску, но и самоваръ на себѣ. Неопытнаго денщика всегда снаряжаетъ въ такихъ случаяхъ фельдфебель. Мы позволимъ себѣ привести, относящуюся къ такому случаю, маленькую сценку изъ нашей повѣсти „Прежняя служба и настоящая“.

— Ну, ворочайся! Нѣшто не знаешь, что „они“ чай съ лимономъ изволятъ кушать? ворчитъ Егорычъ.—Да не туда кладешь,—сюда пирожки пойдутъ!.. Я такъ и зналъ, что ножи позабудешь! Экая тетя!

Окончивъ укладку, фельдфебель обыкновенно подымалъ корзину, хлопалъ по ней рукой, какъ бы удостовѣряясь въ ея прочности, и съ строгимъ жестомъ передавалъ ее денщику.

— Ну, смотри-жь! воронъ у меня не ловить: какъ придемъ на мѣсто, чтобы и ты былъ тамъ; а на походѣ сторонкой пробирайся, подалѣ отъ начальства.

— Начальство не заругаетъ, дяденька?—давеча генералъ „зустрѣлись“ и спрашиваютъ: чья корзина? А я говорю: наша съ капитаномъ. „Они“ только засмѣялись; ей-Богу правда.

— Ну, ладно! Поговори еще у меня! отвѣчаетъ фельдфебель и приглашаетъ денщика посмотрѣть на свою жилистую, сложенную въ огромный кулакъ руку.

На слѣдующемъ рисункѣ представленъ офицеръ-щеголь, ведущій даму въ полонезѣ, а можетъ-быть приготовляющійся танцовать мазурку. Это типъ свѣтскаго офицера, не очень высокаго тона. Люди съ лучшимъ воспитаніемъ никогда такъ рѣзко не позируютъ. Истинное изящество манеръ всегда соединено съ простотой и проявляется у человѣка не искусственно, а по рефлексу. Здѣсь же поднятіе головы и плечъ принужденное; корпусъ натянутъ; а потому, несмотря на бравый видъ офицера и элегантность въ одеждѣ, эта фигура все-таки не производитъ пріятнаго впечатлѣнія.

На слѣдующемъ рисункѣ мы видимъ симпатичнаго и, вѣроятно, благодушнаго офицера, дѣлающаго выговоръ своему денщику. Денщикъ красивый, проворный и плутоватый; навѣрно выпиваетъ и знакомъ съ какой-нибудь землячкой. Чѣмъ онъ больше чувствуетъ себя виноватымъ, тѣмъ больше тянется передъ своимъ бариномъ и старается ему услужить. Несомнѣнно, что денщикъ любитъ этого офицера и справляетъ свою работу хорошо; но какъ же, служа у такого благодушнаго барина, не отлучаться самовольно въ кабачокъ и къ землячкѣ въ тѣ длинные вечера, которые баринъ проводитъ гдѣ-нибудь въ клубѣ или въ гостяхъ? Землячка даромъ бѣлье стираетъ, даритъ вышитыя рубашки и поитъ кофеями, а цѣловальникъ разскажетъ всѣ городскія новости раньше, чѣмъ ихъ подхватятъ газеты. Денщику объявляется въ сотый разъ, что его посадятъ подъ арестъ, и въ сотый же разъ денщикъ знаетъ, что этого не исполнятъ. И какъ ужь онъ старается въ такія минуты ухаживать за своимъ бариномъ: то щетку схватитъ—пылинку смахнетъ, то бросится чистить уже вычищенные сапоги; а если баринъ ляжетъ отдыхать, то не только закутаетъ его ноги, а еще и нѣжно погладитъ ихъ, мысленно благословляя своего добраго барина.

Группа офицеровъ, варящихъ жжёнку, по нашему мнѣнію, самый слабый рисунокъ въ предлежащей серіи. Въ немъ мало типичнаго. Если художникъ хотѣлъ представить настоящій военный кутежъ, такъ надо показать, какъ душа ходитъ въ человѣкѣ, какъ всѣ черты его находятся въ движеніи. Здѣсь же мы видимъ группу офицеровъ, какъ будто усаженныхъ фотографомъ.

Послѣдняя картина: „Денщикъ, ведущій по улицѣ дѣтей“—прелестна. Это типъ заботливой няньки въ солдатской шинели, заслуживающій самой глубокой симпатіи. Что ему эти чужія дѣти? Какое, спрашивается, дѣло этому рязанскому или калужскому парню, забранному въ солдаты и случайно попавшему въ денщики, до этихъ, повидимому, капризныхъ малютокъ? А, между тѣмъ, онъ за ними бросится въ воду, если они упадутъ, и ужь это навѣрно... Онъ бережетъ ихъ пуще своего глаза, какъ не въ состояніи беречь никакая бонна. На рисункѣ видно, какъ денщикъ останавливаетъ маленькаго шалуна, слишкомъ отдѣлившагося впередъ. „Сашенька, не бѣгайте! Подъ извозчика попадете... Сашенька!“ Но капризный мальчикъ нарочно отдѣляется еще больше. „Сашенька, ей-Богу барину скажу!.. Ну, что я съ „ними“ подѣлаю!“

Однако, если Сашенькѣ будетъ грозить настоящая опасность, то денщикъ не поцеремонится схватить его въ охапку. Буянъ Сашенька сейчасъ же начнетъ хлестать его по щекамъ своими маленькими ручонками; но денщикъ на это не обижается.—„Сашенька, не балуйте... не хорошо! Ей-Богу барину скажу: баринъ осерчаетъ, въ уголъ поставитъ“.

Однако жалобы никогда не бываетъ; за то же дѣти и любятъ своего денщика; у нихъ дружба идетъ на кухнѣ: вмѣстѣ картинки разсматриваютъ и читать учатся. Единственный недостатокъ этой няньки заключался въ томъ, что она, секретно отъ родителей, давала дѣтямъ сладкое, иногда передъ самымъ обѣдомъ; но и это явленіе было трогательнымъ, потому что денщикъ, имѣя за душой какой-нибудь рубль, покупалъ леденцовъ на свои собственныя три копѣйки. Онъ таинственно носилъ гостинцы въ карманѣ, улыбался и, пофыркивая носомъ, спрашивалъ: „А ну-те, Сашенька, отгадайте, что у меня есть?“

Случалось, что денщика встрѣчало начальство не по формѣ одѣтымъ и сажало подъ арестъ; тогда дѣти подымали ревъ; а когда денщику наступило время уходить домой, то къ слезамъ дѣтей присоединились и слезы родителей.

Причину такой заботливости солдата о чужихъ дѣтяхъ слѣдуетъ искать въ отзывчивомъ сердцѣ русскаго простолюдина и въ умѣніи нѣкоторыхъ офицеровъ завоевывать это сердце.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе рисунковъ г. Ф—ма, взятыхъ изъ той богатой для наблюденій среды, которая группируетъ подъ своими знаменами людей, стекающихся изъ всѣхъ губерній нашего обширнаго отечества.

Н. Бутовскій.

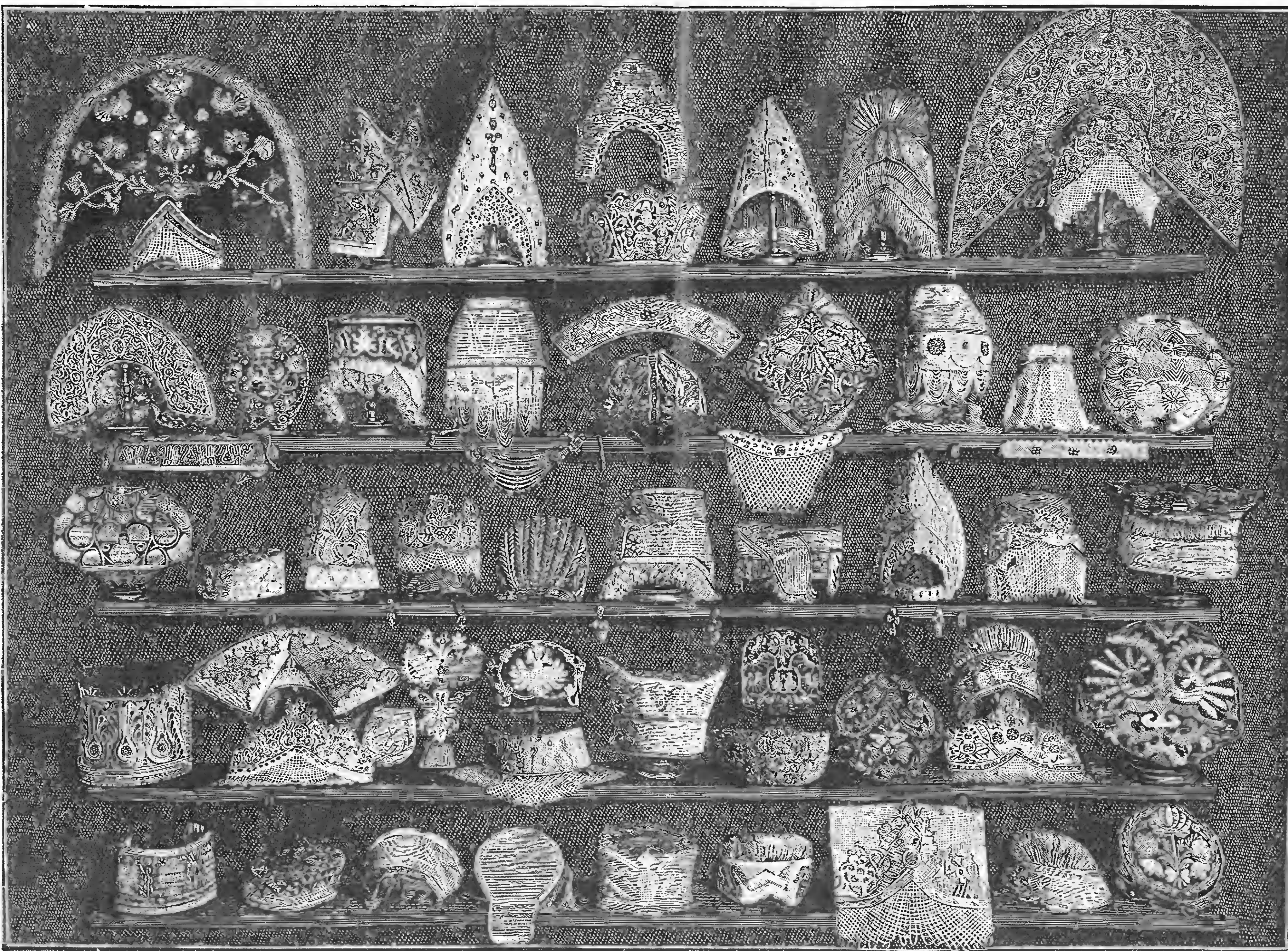
Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ. „Ундина“ Жуковскаго.

(Рис. на стр. 201).

Кто не восхищался въ юности поэтическимъ пересказомъ исторіи рыцаря Гульбранда и его полу-неземной супруги Ундины (феи водъ, воплотившейся въ женщину), ея дяди Струя и разлучницы Бертальды? Напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе изящной композиціи г. Волкова. Рыцарь Гульбрандъ, уже измѣнивъ своей женѣ въ глубинѣ сердца, отправляется искать въ Черной долинѣ бѣжавшую Бертальду, которая съ каждымъ днемъ становится ему милѣе. Дядя Струй, мстящій ему за Ундину, воздвигаетъ ему на каждомъ шагу стихійныя препятствія. Наконецъ, когда Гульбрандъ находитъ выбившуюся изъ силъ Бертальду, къ нимъ приближаются въ потемкахъ лѣса двѣ огромныя бѣлыя лошади, съ ними погонщикъ роста огромнаго въ бѣломъ плащѣ, и фура прикрытая бѣлой холстиной. Погонщикъ предлагаетъ вывезти ихъ изъ лѣса. Они приняли его помощь. Поѣхали.

Но вдругъ пробудилъ ихъ погонщиковъ голосъ:
„Клячи, тяните живѣе! (кричалъ онъ) дружно, бѣда намъ!“
Рыцарь поспѣшно изъ фуры выглянулъ—что-жь онъ увидѣлъ?
Лошади, по брюхо въ мутной водѣ, не шагали, а плыли;
Не было видно колесъ: они какъ на мельницѣ, съ шумомъ,
Съ пѣной и брызгами рѣзали волны; погонщикъ на козлы
Взлѣзъ и правилъ стоймя, и былъ ужь въ водѣ по колѣно.
„Что за дорога такая? спросилъ у погонщика рыцарь,
Прямо идетъ въ середину потока“.—„Напротивъ, погонщикъ
Со смѣхомъ сказалъ, потокъ идетъ въ середину дороги;
Видите сами; это сущій потопъ; мы пропали!“
Подлинно, вся глубина долины кипѣла волнами;
Выше и выше онѣ подымались.—„Это злодѣй нашъ
Струй! утопить насъ онъ хочетъ, рыцарь воскликнулъ—товарищъ,
Нѣтъ ли и противъ него у тебя какого словечка?“—
„Есть словечко, погонщикъ сказалъ, да надобно прежде
Свѣдать вамъ, кто я, и какъ прозываюсь!“—„Не время загадки
Намъ загадывать, рыцарь сказалъ,—вода прибываетъ;
Имя твое здѣсь не нужно“.—„А такъ-то не нужно, погонщикъ
Съ дикимъ хохотомъ гаркнулъ,—что, просимъ не гнѣваться, самъ я
Струй!“ И ужасную харю свою онъ уставилъ въ повозку...
Но повозка ужь болѣ была не повозка, ужь были
Лошади болѣ не лошади; все разлетѣлось, расшиблось
Въ пѣну, въ шипучую воду, и самъ погонщикъ поднялся
Страшной волной на дыбы, и коня который напрасно
Рвался и бился, умчалъ за собой въ глубину, и ужасно
Началъ снова расти и расти, и горой водяною
Выросъ, и былъ ужь готовъ на Бертальду и рыцаря, силой
Волнъ увлеченныхъ, упасть, чтобъ громадой своей задавить ихъ...
Вдругъ, сквозь шумъ, гармонически-сладостный голосъ раздался;
Вышелъ изъ облака мѣсяцъ, и въ свѣтѣ его надъ долиной явился
Образъ Ундины: она погрозила волнамъ—и, разбившись
Пылью, гора водяная, ворча и журча, убѣжала;
Въ блескѣ мѣсяца мирно потокъ заструился; и бѣлымъ
Голубемъ свѣяла тихо Ундина въ долину, и руку
Рыцарю вмѣстѣ съ Бертальдой подавъ, на муравчатый берегъ
Ихъ за собой увела; тамъ они отдохнули; Ундининъ
Конь былъ отданъ Бертальдѣ; за нею пѣшкомъ, потихоньку,
Рыцарь съ женою пошли; и такъ возвратились всѣ въ замокъ.

Выставка коллекцiи Н. Л. Шабельской. Древнiе кокошники и проч. женскiе головные уборы.

Съ фот. грав. Флюгель.

Бѣлорусская сцена. (Рис. на стр. 204).

Академикъ скульптуры Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ, увѣковѣчившій свое имя памятниками: тысячелѣтія Россіи, императрицѣ Екатеринѣ II, Богдану Хмѣльницкому и проч., пользуется среди любителей русскаго искусства заслуженною извѣстностью и даровитаго рисовальщика, наблюдательнаго и полнаго юмора. Кто не знаетъ его прелестныхъ рисунковъ въ *Искрѣ*, *Пчелѣ*, *Руси*, подписанныхъ уменьшительною подписью *Миша М.?* Какъ образчикъ этихъ высоко-талантливыхъ созданій, помѣщаемъ на стр. 204 сцену изъ бѣлорусской жизни.

Выставка предметовъ русской старины изъ коллекціи Н. Л. Шабельской. (Рис. на стр. 209).

Въ залахъ дворца Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича открыта, съ 14 января, выставка предметовъ русской старины и современныхъ работъ историческаго содержанія, исполненныхъ старининымъ церковнымъ швомъ. Выставка устроена Н. Л. Шабельскою въ пользу Краснаго Креста, на пособіе пострадавшимъ отъ неурожая. Для этого добраго дѣла г-жа Шабельская выставила свою обширную и, можно сказать, единственную по своему богатству и разнообразію коллекцію, находящуюся въ частныхъ рукахъ. Выставка занимаетъ большой залъ и двѣ боковыя площадки грандіозной и замѣчательной по своей архитектурѣ лѣстницы Николаевскаго дворца. Прямо, при входѣ, вниманіе останавливается на трехъ большихъ стѣнныхъ коврахъ, исполненныхъ по старинымъ образцамъ и сдѣланныхъ изъ рыбьей чешуи, гдѣ особенно эффектно выдѣляется на голубомъ бархатѣ двуглавый орелъ, окруженный сказочными райскими птицами. На правой площадкѣ идетъ цѣлый рядъ экрановъ, на которыхъ помѣщены съ одной стороны рѣдкіе экземпляры старинныхъ полотенецъ и подвѣсовъ свадебныхъ простынь, исполненныхъ двустороннимъ швомъ красною бумагой. Многіе изъ этихъ вышивокъ по мотиву узора и орнамента указываютъ на несомнѣнную принадлежность ихъ къ древнимъ, языческимъ временамъ. Такъ, напр., на нѣкоторыхъ изображены религіозныя процессіи, на нихъ вышито жертвенное дерево, окруженное женскими фигурами, съ поднятыми руками, держащими птицъ въ видѣ жертвоприношенія. Затѣмъ очень оригинальны концы полотенецъ съ вышитыми животными, птицами и проч.; мотивы эти нерѣдко встрѣчаются въ орнаментахъ рукописей XIII и XIV вѣковъ, а также нерѣдки и въ восточномъ орнаментѣ.

Въ концѣ площадки выставлена большая коллекція инородческихъ вышивокъ—низовыхъ и луговыхъ чувашей и черемисовъ. Узоръ и самое исполненіе поражаютъ зрителя своимъ изящнымъ исполненіемъ и богатствомъ красокъ. Далѣе, по этой же площадкѣ, слѣдуетъ громадная коллекція старинныхъ русскихъ тканей XVII вѣка, какъ-то: парчи, камки, штофъ и проч.; также хороши собранія старинныхъ русскихъ набивныхъ тканей „*набоекъ*", которыя употребляли въ старину на церковныя одежды и въ повседневной жизни.

При входѣ въ большой залъ невольно разбѣгаются глаза, и не знаешь съ чего начать и на чемъ остановить вниманіе. Начнемъ съ главной части выставки, т. е. съ русской старины. Описывать подробно все, что здѣсь выставлено, нѣтъ ни времени, ни мѣста, приходится ограничиться краткимъ обзоромъ: великолѣпный подборъ подвѣсовъ свадебныхъ простынь и обрядовыхъ старинныхъ полотенецъ, разнообразныхъ по техникѣ исполненія, какъ-то: шитье по перевити, шитье полотнянками по холсту, шитье по перевити разноцвѣтными шелками, шитье цѣнное, верхошовъ и т. д., а также интересныхъ по мотивамъ узоровъ, представляющихъ иногда весьма стильно переданныя древнія миѳическія изображенія, или сцены бытоваго и сказочнаго характера. Обращаютъ на себя вниманіе большія скатерти (столешники) временъ царя Алексѣя Михайловича, въ орнаментѣ котораго встрѣчаются весьма древніе типы животныхъ. Особенно интересенъ и богатъ отдѣлъ старинныхъ головныхъ женскихъ уборовъ, какъ видно на нашемъ рисункѣ, отличающійся причудливостью формъ, разнообразіемъ орнамента, шитья и имѣющій большой этнографическій интересъ. Далѣе слѣдуютъ: шитые золотомъ старинные дѣтскіе свивальники, крестильныя рубашечки, башмачки, одѣяльца и проч. Отмѣтимъ еще собраніе старинныхъ золотыхъ кружевъ, галуновъ, пуговицъ, серегъ, бармъ, женскихъ ожерелій, ароматницъ, т. е. футляры на пузырекъ съ духами, шитые золотомъ по атласу, графитники, лакомники, кошельки и проч. Старинныя русскія одежды, собранныя въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, привлекаютъ вниманіе красивымъ подборомъ тоновъ, богатствомъ матеріи и шитья. Нѣкоторыя изъ женскихъ одеждъ если не относятся къ XVII вѣку, все-таки сохранили традиціи этого вѣка, какъ напр. длинные пятиаршинные рукава. Изъ церковной старины въ коллекціи много старинныхъ окладовъ на образа, шитыхъ кафимскимъ и половинчатымъ жемчугомъ, оплечья священническихъ ризъ, съ изображеніемъ святыхъ, эпитрахили, старинные воздухи, образа, плащаницы и т. д.

Обозрѣвая коллекцію г-жи Шабельской, невольно приходится остановиться на мысли, что собиратели русской старины заслуживаютъ глубочайшей признательности. Теперь именно время собирать эти предметы, такъ какъ всякому интересующемуся народной жизнью ясно стало, что пройдетъ немного лѣтъ— и предметы бытовой нашей жизни окончательно исчезнутъ и не останется намъ никакихъ памятниковъ старины. Съ прискорбіемъ нужно сказать, что Западъ ранѣе насъ, русскихъ, обратилъ вниманіе на изящество и оригинальность нашего орнамента и ежегодно вывозитъ изъ Россіи во Францію, Англію и Америку тысячи предметовъ, получающихъ почетное мѣсто въ музеяхъ и нерѣдко примѣняемыхъ къ украшенію комнатъ, какъ предметы роскоши.

Ревностными истребителями русской старины, кромѣ вывоза, являются наши татары и такъ-называемые „офени" (старьевщики), которые большую часть вещей, особенно церковныхъ, скупаютъ спеціально для выжиганія золота и серебра, и такимъ образомъ исчезаютъ какъ вещи, такъ и узоры.

Во второмъ отдѣлѣ выставки, именно въ современныхъ работахъ историческаго содержанія, мы видимъ, что г-жа Шабельская поставила себѣ задачей возстановить технику стариннаго церковнаго шитья, приспособляя свои работы къ потребностямъ нашей современной обстановки, т. е. примѣняя эти шитыя картины для украшенія стѣнъ, мебели и т. д., на манеръ гобеленовъ. При входѣ въ большой залъ, передъ вашими глазами развертывается цѣлый рядъ картинъ нашей русской исторіи. На лѣвой сторонѣ стоитъ шитый портретъ, почти въ ростъ человѣка, боярина Потемкина, русскаго посла въ Англіи 1682 г. Далѣе слѣдуютъ два стѣнныхъ ковра, съ изображеніемъ сценъ, взятыхъ изъ рукописи: „Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго при бракосочетаніи государя царя и вел. кн. Михаила Ѳеодоровича съ дѣвиц. Евдокіею Лукьяновыхъ Стрѣшневыхъ 5 февраля 1626 г." Здѣсь же вы можете видѣть массу вышивокъ, исполненныхъ по рукописи „Титулярникъ" 1672 г. (рукопись хранится въ Московск. главн. архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ), какъ напр.: московскій гербъ, портреты: Димитрія Царевича, Владиміра Мономаха, Владиміра Святаго и проч. Далѣе слѣдуетъ оригинальная вышивка родословнаго дерева нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ, со старинной живописи на паперти церкви Св. Ильи Пророка въ г. Ярославлѣ. Вся ниша залы установлена сверху донизу рядомъ картинъ, по которымъ можно наглядно познакомиться съ исторіей русской одежды съ X вѣка до временъ Петра I. Всѣ эти работы исполнены по лучшимъ источникамъ, прекрасны по техникѣ, выдаются художественнымъ исполненіемъ, подборомъ красокъ и вкусомъ. Вообще, вся выставленная коллекція представляетъ высоко-научный интересъ для всѣхъ интересующихся древнимъ русскимъ бытомъ и орнаментомъ.

Луиджи Керубини. (Портр. на стр. 212).

Луиджи-Марія *Керубини*, со дня смерти котораго исполнится 3 марта (по новому стилю 15) 50 лѣтъ, — одинъ изъ немногочисленныхъ композиторовъ, имѣвшихъ большое вліяніе на развитіе оперы и оставившихъ по себѣ глубокій слѣдъ въ музыкальномъ искусствѣ; достаточно сказать, что онъ былъ для Бетховена „наиболѣе уважаемымъ изъ всѣхъ современныхъ ему оперныхъ композиторовъ", что учениками Керубини были Галеви и Оберъ, и что его произведенія, въ особенности увертюры, служили образцами для самого Бетховена. Конечно, его оперы отжили свое время,—нигдѣ формы такъ не старятся, какъ въ операхъ,—къ тому же, ему все попадались плохо составленныя либретто; но увертюры ко многимъ его операмъ: „Анакреону", „Медеѣ", „Лодоискѣ" и др. исполняются до сихъ поръ въ концертахъ съ большимъ успѣхомъ; быть-можетъ, имъ мы обязаны увертюрами къ „Леонорѣ", „Эгмонту" и „Коріолану" Бетховена. Но кромѣ композиторской его дѣятельности, охватывающей почти всѣ жанры музыкальнаго письма (оперы, мессы, романсы, увертюры, камерная музыка), личность Керубини чрезвычайно интересна какъ характеръ.

Извѣстны отношенія къ нему Наполеона I. Будучи еще консуломъ, Наполеонъ, недолюбливавшій его за его „ученую" музыку, на одномъ представленіи мало обратилъ на него вниманія и, проходя мимо композитора, вторично спросилъ его, кто онъ; „Все попрежнему Керубини", лаконически отвѣтилъ сдержанный композиторъ. Однажды Наполеонъ назвалъ его музыку шумною и при этомъ хвалилъ Паэзіелло и Цингарелли: „Вы любите музыку, ваше величество, отвѣтилъ съ достоинствомъ маэстро,—которая не мѣшала бы думать о государственныхъ дѣлахъ". И однако, когда Наполеонъ предложилъ композитору Мегюлю занять мѣсто директора консерваторіи взамѣнъ Керубини, тотъ наотрѣзъ отказался, не считая себя достойнымъ замѣстить Керубини; столь великъ былъ авторитетъ его въ музыкальномъ мірѣ. Слѣдующій фактъ еще больше характеризуетъ отношенія того же Мегюля къ Керубини; его опера „Медея" не сразу была понята и оцѣнена по заслугамъ критикой; одинъ журналъ—*Цензоръ*—упрекнулъ автора въ подражаніи Мегюлю; послѣдній горячо возсталъ противъ этой несправедливости; такихъ примѣровъ въ музыкальной исторіи нашихъ дней что-то не много.

Керубини пользовался громаднымъ успѣхомъ во Франціи, которой онъ посвятилъ лучшія свои силы и въ которой онъ можетъ считаться послѣ Глука главнѣйшимъ піонеромъ серьезной оперы; его примѣру послѣдовалъ другой итальянецъ, Спонтини, которому также суждено было играть здѣсь большую роль вслѣдъ за авторомъ „Водовоза" (Les deux journées); такимъ образомъ главнѣйшіе французскіе оперные дѣятели: Глукъ, Керубини, Спонтини, Россини и Мейерберъ—пришлый элементъ, состоящій изъ нѣмцевъ и итальянцевъ. Къ чести французовъ слѣдуетъ отнести то, что они цѣнятъ этихъ композиторовъ наравнѣ со своими національными авторами. Керубини прожилъ въ Парижѣ 45 лѣтъ и умеръ здѣсь восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, окруженный славой и почестями, хотя нужно тутъ же прибавить, что далеко не всѣ его произведенія одинаково нравились парижанамъ; многія изъ его оперъ прямо-таки не имѣли успѣха, напр. опера „Али-Баба", написанная имъ въ глубокой старости на либретто Скриба и Мельвиля, взятое изъ арабскихъ сказокъ: „Тысяча и одна ночь".

Занимающій насъ композиторъ прошелъ суровую школу жизни, наложившую свою печать и на его творчество. Керубини родился во Флоренціи (въ Тосканѣ) 8 сентября 1760 г. Отецъ его, самъ профессоръ музыки, былъ первымъ учителемъ своего сына. Средства къ жизни были ограниченныя, и мальчику не пришлось жить въ роскоши. Девяти лѣтъ онъ уже изучалъ гармонію и помогалъ отцу, зарабатывая деньги аккомпаниментомъ; ему едва минуло 13 лѣтъ, какъ онъ сочинилъ мессу и написалъ интермедію для театра любителей; несмотря на успѣхъ этихъ первыхъ опытовъ, онъ оставилъ ихъ, предавшись серьезнымъ занятіямъ. Едва-ли удалось бы ему однако выбиться на дорогу, если бы въ его судьбу не вмѣшался Тосканскій герцогъ Леопольдъ II, который, узнавъ о стѣсненныхъ обстоятельствахъ родителей Керубини, назначилъ мальчику пенсію; тогда юноша отправился въ Болонью къ Сарти и подъ его руководствомъ сталъ изучать старинныхъ мастеровъ римской школы; послѣ двухлѣтнихъ занятій онъ послѣдовалъ за своимъ профессоромъ въ Миланъ, гдѣ Сарти получилъ мѣсто директора музыки въ соборной церкви. Молодой композиторъ впервые дебютировалъ здѣсь трехактною оперой „Quinto Fabio", поставленной въ 1781 г. и имѣвшей средній успѣхъ.

Слѣдующія однако его оперы: „Armida", данная во Флоренціи, и „Adriano in Siria"—на сценѣ ливорнскаго театра, обезпечили его успѣхъ въ Италіи. Тѣмъ временемъ онъ посѣтилъ Венецію, гдѣ молодаго маэстро прозвали за его курчавые волосы, красивое лицо и „ангельскія мелодіи" „Il Cherubino" (херувимъ). Не станемъ слѣдить за всѣми шагами нашего композитора; скажемъ лишь, что онъ пробовалъ свои силы и на поприщѣ комической оперы, и не безуспѣшно („La finta principessa"). Въ 1786 г. мы видимъ его уже въ Лондонѣ; но суровый Альбіонъ не ласково принялъ молодаго итальянца; его „Sabino" потерпѣлъ полное фіаско. Чрезъ два года онъ поселился въ Парижѣ, откуда ужь не выѣзжалъ и гдѣ нашелъ свою вторую родину; здѣсь онъ написалъ лучшія свои произведенія, которыя главнымъ образомъ дѣлятся на свѣтскія (оперы) и духовныя. Многіе отдаютъ предпочтеніе послѣднимъ предъ первыми. Особенно заслуживаетъ вниманія его реквіемъ C-moll, месса D-moll и „Pater noster", дышащій истиннымъ благочестіемъ; на этихъ произведеніяхъ видны слѣды глубокаго изученія Палестрины. Особенно много писалъ онъ духовной музыки со времени назначенія его при Лудовикѣ XVIII директоромъ королевской музыки на мѣсто извѣстнаго Мартини.

На періодъ времени между 1780 и 1810 гг. выпадаетъ наибольшее количество его серьезныхъ оперъ, написанныхъ по требованіямъ того времени на сюжеты изъ классиче[illegible] жизни: „Демофонъ", „Анакреонъ", „Ме[illegible] Особен[illegible] успѣхомъ однако пользовались его: „[illegible] „Водовозъ", обошедшій всю Европу, и „[illegible] въ первый разъ въ Вѣнѣ и заслужившая искреннія похвалы Гайдна и Бетховена. Не мѣшаетъ припомнить для характеристики дѣятельности Керубини, что онъ пережилъ въ Парижѣ революціонное время, царствованіе Наполеона I и всю послѣдовавшую эпоху послѣ этого періода, и всегда пользовался одинаковымъ уваженіемъ французовъ; вѣянія пережитаго времени не могли не оказывать извѣстнаго вліянія на его творчество; напримѣръ, многія изъ его церковныхъ произведеній, за исключеніемъ названныхъ выше, носятъ на себѣ отпечатокъ концертной музыки, несмотря на то, что все драматизировано въ музыкѣ, что только представляло поводъ къ тому въ текстѣ. Съ другой стороны, онъ былъ слишкомъ ученъ для своего времени и вводилъ въ свои оперы гармоническіе эффекты, къ которымъ до него не привыкли, но которые сослужили большую службу дальнѣйшему развитію оперной музыки, не замедлившему сказаться на произведеніяхъ его учениковъ („Жидовка" Галеви и „Нѣмая" Обера). Мы однакоже значительно ушли отъ этихъ зачатковъ серьезной оперы и на насъ музыка Керубини въ настоящее время не можетъ произвести такого сильнаго впечатлѣнія; такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ пришлось прослушать въ Москвѣ „Водовоза", оставившаго слушателей совершенно холодными; это кажется говоритъ за то, что Керубини имѣетъ уже только историческое значеніе.

В. Баскинъ.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ долгаго молчанія императоръ Германскій, Вильгельмъ, снова выступилъ въ роли оратора и произнесъ рѣчь, затрогивающую дѣла страны, и потому крайне интересную. Произнесена она была на ежегодномъ обѣдѣ Бранденбургскаго провинціальнаго сейма. Согласно офиціальному тексту, напечатанному въ *Имперскомъ Указателѣ*, императоръ, поблагодаривъ бравыхъ бранденбургцевъ за вѣрность и преданность, высказалъ сожалѣніе, что въ настоящее время вошло въ обычай осуждать все что дѣлается правительствомъ, и тѣмъ нарушать душевное спокойствіе людей сочувствующихъ судьбамъ и преуспѣянію отечества. Лучше-де было бы, если-бъ эти недовольные отряхнули нѣмецкій прахъ съ своихъ туфель и какъ можно скорѣе удалились отъ внутреннихъ дѣлъ Германіи, которыя имъ кажутся скверными и жалкими! „Мы переживаемъ, говорилъ императоръ,—переходное время. Германія вступаетъ въ юношескій возрастъ, а потому намъ пора освободиться отъ дѣтскихъ болѣзней. Въ такіе тревожные дни, сужденія большей части людей чужды надлежащей объективности; но за этими днями послѣдуетъ болѣе спокойное время. Твердая увѣренность въ вашемъ сочувствіи придастъ мнѣ новыя силы и побуждаетъ меня идти безостановочно впередъ по начертанному мнѣ Небомъ пути. Къ этому присоединяется еще отвѣтственность предъ нашимъ Высшимъ Повелителемъ и мое твердое убѣжденіе, что Тотъ, кто былъ нашимъ союзникомъ подъ Россбахомъ и Денневицемъ, не покинетъ меня. Намъ суждено совершить многое великое, и я веду васъ къ блестящимъ днямъ. Только не позволяйте никакимъ брюзжаніямъ и разглагольствованіямъ недовольныхъ вводить васъ въ заблужденіе. На вѣчно враждебные намеки о новомъ „„курсѣ"", я спокойно отвѣчаю: „„Мой курсъ вѣренъ и я буду идти имъ далѣе". Рѣчь эта произвела своеобразное впечатлѣніе не только въ Германіи, но и за предѣлами ея. Нѣмецкіе консервативные органы обходятъ ее молчаніемъ. Ультрамонтанскіе стараются, съ одной стороны, успокоить демократическіе элементы центра, а съ другой совѣтуютъ не относиться слишкомъ строго къ словамъ монарха. За то вся либеральная печать, насколько позволяютъ уваженіе и преданность къ государю, высказываетъ свое неудовольствіе. Особенно старательно останавливаются на той части рѣчи, гдѣ предлагается недовольнымъ удалиться изъ Германіи, и *Tageblatt* даже вычислилъ, что если бы всѣ политическіе выборщики, подававшіе за послѣдніе годы голоса противъ правительства, оставили съ ихъ семействами Германію, то населеніе послѣдней разомъ уменьшилось бы на 26 милліоновъ душъ. Довольными же рѣчью императора Германіи оказались между прочимъ не нѣмцы, а поляки, замѣчающіе въ *Познанскомъ Курьерѣ*, что рѣчь государя въ извѣстныхъ кругахъ вызвала большое неудовольствіе. „Мы, говоритъ газета,—присоединиться къ нимъ никакого повода не имѣемъ; напротивъ, мы должны желать, чтобы государю дѣйствительно удалось настоять на своемъ и идти далѣе по пути, предначертанному ему самимъ Небомъ".

Послѣ неудачныхъ попытокъ сформировать новое французское министерство со стороны Рувье и Буржуа, оно образовалось послѣ девятидневнаго кризиса стараніями сенатора Лубэ. Послѣдній назначенъ президентомъ совѣта министровъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, Рикаръ — министромъ юстиціи, Віеттъ—министромъ общественныхъ работъ, Кавеньякъ—морскимъ министромъ, Фрейсине, Рибо, Рошъ, Девелль, Рувье и Буржуа сохранили прежніе портфели. Печать встрѣтила новое министерство холодно; какъ консерваторы, такъ и радикалы видятъ въ немъ лишь преобразованный прежній кабинетъ, т. е. „двусмысленное министерство", и предрекаютъ ему скорое паденіе. Республиканцы сильно упрекаютъ кабинетъ въ томъ, что онъ исключилъ изъ своей среды Констана, и въ этомъ видятъ удовлетвореніе, данное буланжизму.

Одновременно съ этимъ произошелъ министерскій кризисъ и въ Аѳинахъ. 17 февраля король предложилъ министерству Дельяниса подать въ отставку. Министры возразили, что въ отставку они подать не могутъ, такъ какъ сохраняютъ большинство въ палатѣ, но что король можетъ ихъ уволить, что и было сдѣлано. Вслѣдствіе отказа Трикуписа сформировать кабинетъ, король обратился къ вождю средней партіи Константопулосу, который и составилъ новое министерство, принявъ на себя портфели финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

Эксъ-король Миланъ отрекся отъ всего въ Сербіи, что можно заключить изъ собственноручнаго письма эксъ-короля къ скупщинѣ, содержащаго въ себѣ заявленіе, что онъ, Миланъ, „приноситъ Сербіи и своему сыну послѣднюю жертву", отрекаясь отъ всѣхъ своихъ правъ и права жительства въ Сербіи. Въ концѣ письма Миланъ заявляетъ, что впредь „не будетъ

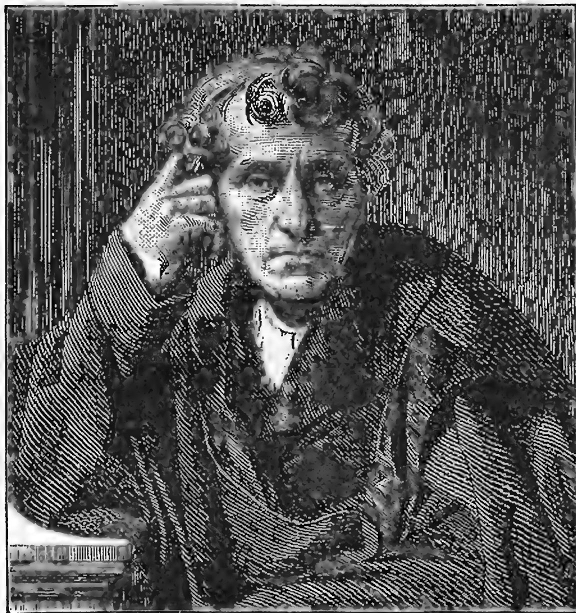
имѣть никакихъ претензій къ Сербіи въ качествѣ родителя короля, члена царствующей династіи, генерала сербскихъ войскъ и сербскаго гражданина".

12 февраля въ Константинополѣ болгарскій агентъ Вулковичъ, послѣ нѣсколькихъ визитовъ, возвращался въ 7 час. вечера въ агентуру. Онъ находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, когда къ нему подошелъ неизвѣстный мужчина и ударилъ его ножемъ въ лѣвую сторону живота. Убійца оставилъ ножъ въ ранѣ и пустился бѣжать. [illegible] самъ вынулъ ножъ и [illegible] дотащился до агентуры [illegible]анные врачи констатировали [illegible] проколъ кишекъ. Рана оказалась смертельною, и черезъ [illegible] Вулковичъ скончался.

Убійству Вулковича газеты тройственнаго союза приписываютъ политическій характеръ и попутно инсинуируютъ на Россію, говоря, что убійца—бывшій кавасъ русскаго консульства въ Софіи и т. п. вздоръ.

Искусство.

Бенефисъ Н. Ѳ. Сазонова. („Перчатка", комедія Біорнсона). Артистъ этотъ на сценѣ Александринскаго театра уже съ 1863 года и не перестаетъ пользоваться большимъ успѣхомъ; хотя г. Сазоновъ пробовалъ и не безъ удачи свои силы въ драматическихъ роляхъ — Уріель Акоста, Чацкій, Неронъ („Смерть Агриппины" г. Буренина), Красновъ („Грѣхъ да бѣда") и др., но дарованіе его болѣе склонно къ комическому амплуа. Особенно хорошъ онъ въ пьесахъ Гоголя (Хлестаковъ), Островскаго (рѣдкая изъ его комедій обходится безъ участія этого талантливаго актера), Грибоѣдова (Репетиловъ), Тургенева. Репертуаръ его охватываетъ нѣсколько сотенъ ролей, и нѣкоторыя изъ нихъ не находятъ себѣ до сихъ поръ другого исполнителя; напр. роль Хлопонина въ „Злобѣ дня", Андрея Бѣлугина въ „Женитьбѣ Бѣлугина". Менѣе удавались ему типы Мольера (Тартюфъ); но положительно нѣтъ роли, про которую можно было бы сказать, что г. Сазоновъ въ ней былъ плохъ; если принять во вниманіе сумму созданныхъ имъ ролей, то надо согласиться, что это высшая похвала для артиста.

Луиджи Керубини. По поводу 50-й годовщины смерти.

Н. Ѳ. Сазоновъ находится въ настоящее время въ полной силѣ своего таланта и, несмотря на то, что онъ ужъ давно окончилъ срокъ своей „службы", онъ вѣроятно еще долго будетъ украшеніемъ нашей драматической труппы, такъ какъ ему теперь не болѣе 45—46 лѣтъ; артистъ этотъ — воспитанникъ Театральнаго училища, весьма рано выдвинувшійся, благодаря таланту, вызвавшему симпатіи публики съ первыхъ шаговъ его карьеры. Для послѣдняго своего бенефиса онъ выбралъ новую „комедію" г. Крылова „Лѣтнія грезы" и „Перчатку" Бьёрнстьерне-Біорнсона. „Перчатка" поставлена у насъ во второй редакціи; первая авторомъ измѣнена.

Николай Ѳедоровичъ Сазоновъ. Съ фот. Бергамаско грав. Шюблеръ.

Комедія состоитъ изъ трехъ дѣйствій (первоначальная—изъ четырехъ), хотя во всей пьесѣ нѣтъ ни одного „дѣйствія"; она состоитъ изъ разговоровъ, очень скучныхъ, растянутыхъ, бьющихъ на тенденцію,—тенденцію, довольно наивную для насъ по крайней мѣрѣ; все подтасовано для этой тенденціи и поэтому говорить о „Перчаткѣ", какъ о художественномъ произведеніи, не приходится, потому что тутъ нѣтъ жизни, а есть подставныя лица, говорящія отъ имени автора. Русская школа требуетъ *художественнаго реализма* на сценѣ и не мирится ни съ идейностью, всегда сопровождаемой дѣланными фигурами, измышленными лицами, придуманными ситуаціями и пр., ни съ положительными типами, т. е. лицами, которыхъ авторъ выставляетъ, какъ образецъ, достойный поклоненія и подражанія; вѣроятно по этой причинѣ наша драматическая литература богата комедіями, а не драмами въ строгомъ смыслѣ. По этой же причинѣ „идейныя" пьесы не имѣютъ у насъ успѣха; такъ случилось и съ „Перчаткой", которую публика прослушала равнодушно и не одобрила.

Вотъ на чемъ вращается сюжетъ комедіи. Передъ нами двѣ семьи Рисъ и Кристензенъ; у первой есть дочь Свава, у второй — сынъ Альфъ; Свава полюбила Альфа и они—женихъ и невѣста. Но она узнаетъ, что у него была интрига до помолвки съ ней и отказываетъ въ своей рукѣ, бросая ему перчатку, въ полной увѣренности, что она найдетъ мужа, который будетъ такъ же „чистъ", какъ и она. Такой наивный взглядъ на жизнь довольно-таки взрослой дѣвицы нашелъ бы еще оправданіе, если бы она воспитывалась въ абсолютно „чистомъ" домѣ; но авторъ, увлеченный „идейностью" пьесы, не обратилъ вниманія на тѣ противорѣчія, которыя онъ оставилъ въ „Перчаткѣ".

Во-первыхъ, отецъ Свавы—„журъ" и далеко не отказывалъ себѣ въ удовольствіяхъ, доступныхъ богатому человѣку. Свава, несмотря на свой умъ и наблюдательность, никогда ничего не замѣчала и только въ пьесѣ узнаетъ отъ матери, что ея „идеальный" папа очень далекъ отъ ея по крайней мѣрѣ идеаловъ и что мама терпѣла все ради нея, Свавы; очень это все трогательно, но неправдоподобно и странно: въ кого же вышла Свава,—ни въ отца, ни въ мать; она вѣдь не мирится со своимъ Альфомъ и не прощаетъ ему; но такъ видимо нужно было автору для обрисовки своей идейной героини.

Второе — является болѣе страннымъ противорѣчіемъ въ характеристикѣ Свавы. По пьесѣ она — ужъ не первой молодости, много путешествовала, довольно смѣлая особа, гуляетъ одна по лѣсамъ, купается одна въ морѣ, читала много романовъ и основала дѣтскіе пріюты; слѣдовательно, дѣвица во всѣхъ отношеніяхъ — передовая. Сама она говоритъ, что въ пріютъ къ ней приходили матери, которыя больше нуждались въ помощи, чѣмъ дѣти, и что отъ нихъ она узнала *ту пучину грязи, чрезъ которую онѣ проходятъ*. Какъ послѣ этого не изумляться ея феноменальной наивности, граничащей съ глупостью, когда она считаетъ Альфа исключеніемъ. Но что̀ уже совсѣмъ непонятно для насъ, русскихъ, въ этой идеальной дѣвицѣ, такъ это слѣдующая ея фраза, обращенная къ матери: „Я думаю, что единственное, что намъ остается—это дѣлать то же самое. Тогда намъ не на что̀ будетъ жаловаться"; вотъ каковы норвежскія идеальныя передовыя дѣвицы! И эта Свава рекомендуется авторомъ, какъ образецъ „чистоты" и нравственности.

Во всякомъ случаѣ, какъ драматическое произведеніе, „Перчатка" не выдерживаетъ никакой критики, такъ какъ въ ней никакого сценическаго движенія нѣтъ; по идеѣ—она не выдержана и полна противорѣчій; къ тому же, „идея" эта можетъ быть является новою для Норвегіи; у насъ она была давнымъ-давно уже высказываема и въ гораздо болѣе талантливой и художественной формѣ. Исполненіе „Перчатки" у насъ на сценѣ было посредственно. Впрочемъ, не виноватъ ли больше въ этомъ Бьёрнстьерне-Біорнсонъ?

В. Баскинъ.

Библіографія.

Курсъ лѣсоводства для лѣсныхъ школъ и для лѣсовладѣльцевъ и управляющихъ имѣніями. Съ 25 рис. Составилъ **О. К. Арнольдъ.** Изданіе А. Ф. Маркса. СПБ. 1892. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 30 коп.

На русскомъ языкѣ имѣется нѣсколько хорошихъ учебниковъ и руководствъ по разнымъ отдѣльнымъ частямъ лѣснаго хозяйства: по лѣсовозращенію, лѣсосохраненію, таксаціи и

лѣсоустройству, но нѣтъ стоящихъ на высотѣ современнаго знанія руководствъ, гдѣ бы всѣ эти отрасли лѣсоводства соединены были въ сжатомъ объемѣ. Пополнить этотъ пробѣлъ и имѣлъ въ виду авторъ. Руководство его назначается, кромѣ школъ, для тѣхъ лѣсовладѣльцевъ, которые не стремятся быть лѣсничими высшей формаціи, а ощущаютъ необходимость, съ одной стороны, быть въ состояніи сами руководить несложными лѣсными работами, не прибѣгая каждый разъ къ приглашенію особаго лѣснаго спеціалиста, а съ другой, имѣя большое и интензивное хозяйство, желаютъ быть настолько свѣдущими, чтобы съ пониманіемъ дѣла слѣдить за дѣйствіями своихъ лѣсничихъ. Имя г. Арнольда, извѣстнаго автора „Русскаго Лѣса", уже ручается за высокія достоинства книги, которая должна сдѣлаться настольною для всякаго лѣсовода: съ обширными спеціальными познаніями авторъ соединяетъ необыкновенную ясность и точность изложенія, столь необходимыя для яснаго же и точнаго пониманія. Книга, большой томъ въ 376 страницъ, издана очень изящно, на прекрасной бумагѣ. **В. А.**

„Сборникъ образцовыхъ музыкальныхъ произведеній прежнихъ временъ", изданный фирмой Битнера и составленный профессоромъ Петербургской консерваторіи Л. А. Саккетти—есть безплатное приложеніе къ музыкальному журналу „Муза" на текущій годъ. Названный профессоръ консерваторіи, выпустившій на-дняхъ въ свѣтъ вторымъ изданіемъ свой „Очеркъ всеобщей исторіи музыки", готовитъ къ печати „Историческую музыкальную хрестоматію съ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка включительно". Несмотря на отрывочность „Сборника", служащаго преміей къ журналу „Муза" и состоящаго однако изъ двадцати пяти пьесъ, онъ заключаетъ въ себѣ образцы музыки восточной, греческой, средневѣковой, полифонической, оперной и инструментальной и дастъ совершенно ясное понятіе о главныхъ эпохахъ исторіи музыкальнаго искусства; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что гармонизація древнихъ напѣвовъ оставлена безъ измѣненій. „Сборникъ", о которомъ мы говоримъ, представляетъ большой интересъ уже тѣмъ, что знакомитъ публику съ образцами музыкальнаго творчества разныхъ эпохъ и разныхъ народовъ. У насъ по этой части нѣтъ никакихъ пособій и хрестоматій; такимъ образомъ трудъ г. Саккетти долженъ считаться главнымъ. Правда, г. Размадзе снабдилъ свою „Исторію музыки" кое-какими примѣрами изъ произведеній старинныхъ писателей, но это совсѣмъ не то, что дастъ премія „Музы".

Вотъ содержаніе „Сборника": „Жалоба супруги" (китайская пѣснь), индійская мелодія, арабская плясовая пѣсня, гимнъ, приписываемый Пиндару (съ греческимъ текстомъ), секвенція „Dies irae", приписываемая Ѳомѣ Челанскому, пѣсня рыцаря де-Куси, покаянная пѣсня Тангейзера, итальянская пѣсня неизвѣстнаго автора „Alla Trinita beata", знакомая намъ по исполненію въ концертахъ хоромъ г. Архангельскаго, „Gaudeamus" изъ мессы Жоскина, „Adoramus" Палестрины, канцона изъ оперы „Эвридика" Пери, „Жалоба Аріадны" Монтеверде, Арія Скарлатти, „Исторія страстей и смерть Христа" Шютца, хоръ изъ музыкальной трагедіи Люлли „Армида", арія оттуда же, The masque изъ „Тимона аѳинскаго" Пурселя, Фрескобальди, токката Фробергера, токката Пассельбеля, прелюдія и „Дудочка возчика" (The carmans wistle) Бирда, извѣстная публикѣ по историческимъ концертамъ нашего знаменитаго виртуоза А. Г. Рубинштейна, сюита Пурселя, рондо „Жнецы" Куперена и соната Кунау. Сборникъ изданъ изящно; виньетка для него сдѣлана г. Еремѣевымъ въ русскомъ стилѣ XVI вѣка. „Муза" продолжаетъ выходить ежемѣсячными выпусками, состоящими изъ 9 пьесъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, въ томъ числѣ и современныхъ. **В. Б.**

Смѣсь.

Благотворительное Общество „Работный домъ" въ городѣ Тамбовѣ основано въ концѣ 1888 г. и имѣетъ своею цѣлью искорененіе нищенства путемъ доставленія нуждающимся заработка въ самомъ „Работномъ домѣ" при готовой пищѣ.

„Работный домъ" началъ свое существованіе на самыя скромныя средства, а именно 1151 р., составившіяся изъ членскихъ взносовъ и единовременныхъ пожертвованій, и постепенно расширялъ свою дѣятельность по мѣрѣ того, какъ Общество убѣждалось въ его благотворительной дѣятельности.

„Работный домъ" находится въ настоящее время въ наемномъ помѣщеніи, имѣетъ мастерскія, кухню и квартиру для надзирательницы. Желающіе работать собираются, кромѣ праздничныхъ дней, къ 7 часамъ утра и остаются тамъ до 6 часовъ вечера; за это время они имѣютъ обѣдъ и ужинъ, и кромѣ того за производимыя ими работы получаютъ задѣльную плату, каждый по своимъ трудамъ. Въ „Работномъ домѣ" нищіе занимаются клеєніемъ папиросныхъ гильзъ, кондитерскихъ коробокъ, картоновъ для магазиновъ, плетеніемъ корзинъ, лаптей и веревочныхъ ковровъ, расческою мочалы, щипкою пера, изготовленіемъ матрасовъ и щетокъ, починкою мѣшковъ, пряденіемъ шерсти, вязаніемъ чулокъ и т. п. За все время существованія „Работнаго Дома" поступило членскихъ взносовъ и единовременныхъ пособій и пожертвованій 4566 руб. 14 коп., выручено за изделія нищихъ 3320 руб. 80 коп., отъ предпріятій Общества 1948 руб. 36 коп., всего 9905 руб. 28 коп. Изъ этой суммы израсходовано на прокормленіе 25,524 нищихъ (17,735 мужчинъ и 7,789 женщинъ) 7409 руб. 57 коп. и выдано заработной платы 1843 руб. 85 коп.

Среднимъ числомъ въ „Работномъ домѣ" ежедневно имѣютъ пріютъ и заработокъ около 40 человѣкъ, наибольшій наплывъ которыхъ бываетъ преимущественно въ холодное осеннее и зимнее время. (В. Л.)

Оркестръ и хоръ при скиніи и храмѣ Іерусалимскомъ во времена царей Давида и Соломона. Богослужебную музыку царь Давидъ устроилъ для своего времени замѣчательно. Онъ составилъ изъ левитовъ колоссальный и для нашего времени *оркестръ*, состоявшій изъ 4000 музыкантовъ, которые играли преимущественно на кимвалахъ, псалтиряхъ и цитрахъ. Этотъ громаднѣйшій оркестръ былъ раздѣленъ въ свою очередь на 24 меньшихъ оркестра (или на 24 чреды), изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ 154 музыканта и 12 капельмейстеровъ или начальниковъ хоровъ *(менацеахъ)*, какъ они назывались; такимъ образомъ число *однихъ капельмейстеровъ* равнялось очень внушительной цифрѣ 288. Послѣдніе были подчинены въ свою очередь *тремъ главнымъ капельмейстерамъ Асафу, Еману и Идиоуму* (1 кн. Парал. гл. 23, 5 и сл.; 25, 1—33; 16 гл., 5). Эти капельмейстеры были отличные музыканты, игравшіе на извѣстныхъ музыкальныхъ инструментахъ (1 Пар. 16, 5). Каждый оркестръ (чреда) отправлялъ свою службу, смѣняясь чрезъ недѣлю; въ большіе же праздники должны были являться на службу всѣ 24 оркестра, т. е. 3702 музыканта, 288 капельмейстеровъ и 3 главныхъ капельмейстера—дирижера. Музыкальный оркестръ въ полномъ сборѣ помѣщался, обыкновенно, на восточной сторонѣ отъ жертвенника всесожженій. Всѣ музыканты одѣвались въ виссонъ, самую дорогую изъ одеждъ. Здѣсь левитскіе мальчики, дисканты и альты, стояли на нижнихъ ступеняхъ подмостокъ, на верхнихъ же ступеняхъ стоялъ хоръ взрослыхъ пѣвцовъ. Еманъ съ подчиненными ему капельмейстерами изъ 288 дирижировалъ среднимъ хоромъ—оркестромъ, Асавъ—правымъ, а Идиоумъ—лѣвымъ. Всѣ музыканты составляли вмѣстѣ и музыкальный оркестръ и хоръ пѣвцовъ, такъ какъ они пѣли и играли попеременно и старались превзойти другъ друга въ искусствѣ. Такъ какъ гармонія этого колоссальнаго оркестра была совершенно необыкновенная (всѣ—и играющіе и поющіе, какъ замѣч. въ кн. Паралип., были, какъ одинъ, издавая одинъ голосъ—2 Парал. 5, 13), то необходимо должны были существовать какія-нибудь музыкальныя ноты. Изъ нихъ дошли до насъ только для насъ непонятныя,—такъ назыв., *селахъ*, т. е. сигналы музыкальному оркестру для начала дѣйствія, находящіеся въ псалмахъ; всѣ же прочіе потеряны. Что же касается до удареній въ еврейскомъ текстѣ, въ которыхъ нѣкоторые хотятъ видѣть древнія музыкальныя ноты евреевъ, то они стали ставиться и употребляться вмѣсто нотъ уже позднѣйшими іудеями; поэтому всѣ попытки разобрать древнія мелодіи іудеевъ потерпѣли совершенную неудачу. Пиѳагоръ, учившійся музыкѣ въ Египтѣ и излагавшій ее математически, по всей вѣроятности, подобно египтянамъ, вмѣсто нотъ употреблялъ гласныя буквы.

Первый парикъ. Парики появились въ глубокой древности на Востокѣ, почти за 11 вѣковъ до Рождества Христова. Парики первоначально дѣлались не изъ человѣческихъ волосъ, а изъ козьей шерсти, ибо на Востокѣ, по замѣчанію Бохарта, волосы козьей шерсти очень тонки и весьма похожи на человѣческіе: отсюда легко объясняется тотъ фактъ, что патріархъ Исаакъ могъ ошибочно принять козьи волосы на рукахъ хитраго Іакова за волосы любимаго его сына, косматаго первенца Исава, такъ какъ при этомъ еще его глаза были слѣпы и чувство осязанія не менѣе притупилось, какъ и зрѣніе (*S. Bochart.* Hierozoicon sive bipartitum opus de animalibus S. Scripturae (Іерозоиконъ, или состоящее въ двухъ частяхъ сочиненіе о животныхъ Св. Писанія). Lugduni Batav. 1712). Первый такой парикъ, т. е. изъ козьей шерсти, выдумала одна изъ женъ царя Давида, по имени Мелхола. Когда послы царя Саула пришли убить преслѣдуемаго Сауломъ Давида, Мелхола, подъ предлогомъ болѣзни мужа, который спасся бѣгствомъ, положила на его постель статую (чучело), голову которой покрыла плетенѣемъ изъ козьихъ волосъ (I кн. Царствъ, гл. 19, ст. 13 и дал.). Изъ козьихъ же волосъ приготовляли парики и древніе римляне, чтобы прикрывать свои лысины (Johann Jahn: Biblische Archäologie. L. I. Theil I, § 52).

Образецъ лести. Однажды на пиру Персидскій царь Камбизъ обратился къ придворнымъ съ вопросомъ, равенъ-ли онъ по ихъ мнѣнію своему отцу, великому Киру. Раболѣпные царедворцы въ одинъ голосъ отвѣчали утвердительно и принялись превозносить его побѣды и завоеванія. Только одинъ Крезъ, плѣненный еще Киромъ царь Лидіи, отрицательно покачалъ головой. „Почему?" запальчиво воскликнулъ не терпѣвшій противорѣчій Камбизъ. „Царь, отвѣчалъ хитрый Крезъ,—прости меня за дерзкое мнѣніе: въ одномъ ты уступаешь своему великому отцу: у тебя нѣтъ такого сына, какого оставилъ намъ покойный Киръ". (к).

Пештскій бургомистръ. Во время перваго путешествія Франца-Іосифа по Венгріи, въ Пештѣ бургомистромъ былъ крайне несимпатичный человѣкъ. Онъ предложилъ въ ратушѣ устроить императору торжественную встрѣчу, которая 1) будетъ сюрпризомъ для императора, 2) ничего не будетъ стоить и 3) наконецъ доставитъ удоволь-

ствіе народу. На другой день бургомистръ получилъ анонимное письмо, гдѣ предлагалось ему повѣситься на тріумфальной аркѣ, устроенной для встрѣчи императора, такъ какъ 1) это будетъ сюрпризомъ для императора, 2) ничего не будетъ стоить и 3) доставитъ громадное удовольствіе народу. (к).

Какъ отмывать непрозрачныя стекла. Покрыть непрозрачное стекло истолченнымъ въ порошокъ ѣдкимъ кали съ водою. Оставить такъ нѣкоторое время и затѣмъ вымыть и вычистить. Стекло становится прозрачнымъ, какъ новое. (к.)

Заоблачная метеорологическая станція.—Устройство на горахъ наблюдательныхъ станцій для изслѣдованія атмосферы въ высшихъ ея слояхъ, является результатомъ научнаго прогресса послѣдняго времени. Къ числу первыхъ изъ нихъ принадлежитъ обсерваторія, устроенная на вершинѣ Пикъ въ штатѣ Колорадо. Эта громаднѣйшая гора возвышается съ восточной стороны, крутымъ своимъ склономъ, на 4,308 метровъ надъ уровнемъ моря.

Первымъ наблюдателемъ, отважно рѣшившимся провести годъ на этой уединенной верхушкѣ, былъ сержантъ Робертъ Зейботъ, и потому разсказы его въ высшей степени интересны. Онъ прибылъ туда въ октябрѣ 1873 года, и, въ самомъ же началѣ былъ встрѣченъ, продолжавшеюся безъ перерывовъ трое сутокъ, снѣжною бурею, покрывшею всѣ окрестности столь глубокимъ слоемъ снѣга, что и воды для питья не растопивъ снѣгу достать нельзя было. Въ ноябрѣ ураганъ повторился съ такою страшною силою, что наблюдатель опасался, какъ бы и самого его, вмѣстѣ съ зданіемъ, не снесло съ горы. Снѣгъ шелъ чрезвычайно мелкій, пробиваясь, подобно сухой пыли, сквозь малѣйшія щели оконъ, дверей и даже самыхъ стѣнъ. Къ вечеру вершина горы окуталась густою, замѣчательно своеобразною снѣжною тучею, возбудившею у жителей города Колорадо-Спрингсъ предположеніе, что станція горитъ. Изъ животныхъ появились мыши и одна полевая куница, любопытно заглядывавшая въ окна. Посѣтители взобравшіеся въ первый разъ на вершину, чувствовали себя не хорошо, жаловались на головокруженіе и боль въ головѣ. Въ такомъ же состояніи находился и станціонный плотникъ, прибывшій въ концѣ ноября. Между прочимъ, онъ принесъ съ собою молодаго котенка, который однако скоро освоился и сталъ усердно истреблять мышей. Съ начала декабря обитателямъ станціи довелось переживать очень тяжелые дни; они находились постоянно въ замерзшемъ облакѣ густаго тумана. Зима продолжалась очень долго; термометръ Цельзія понижался до 39°. Однажды замѣчены были слѣды медвѣдя.

Первый гулъ грома пронесся 11 мая 1874 года и съ этого дня начались внушавшія невольный ужасъ, часто совершенно неожиданныя, явленія атмосфернаго электричества. Первымъ ихъ предвѣстникомъ былъ ударъ молніи, промелькнувшей во время грозы въ жиломъ помѣщеніи, въ видѣ огненной полосы фута въ два длиною, и затѣмъ раздались трескъ, шорохъ, шумъ по всѣмъ угламъ; на телеграфныя проволоки молніи просто сыпались, и опасались, какъ пишетъ Зейботъ въ своемъ дневникѣ, что само зданіе долго не устоитъ.

Въ маѣ слѣдующаго года, вся рабочая комната наполнилась во время грозы электричествомъ; молнія ударила въ громоотводъ, и самъ наблюдатель, вышедшій въ этотъ моментъ для измѣренія дождевыхъ облаковъ, едва не сдѣлался ея жертвою. 5 іюля, какъ записано въ дневникѣ „молнія извергалась непрерывными огненными струями, въ воздухѣ распространился сильный, съ трудомъ выносимый запахъ сѣры, и при этомъ трескъ и какъ будто выстрѣлы изъ небольшаго пистолета раздавались со всѣхъ сторонъ.“ Во время грозы, бывшей въ августѣ, разряженія электричества были такъ сильны, что наблюдатель искалъ спасенія въ кухнѣ; громоотводы и подземные проводники оказались поврежденными и два барометра къ употребленію негодными.

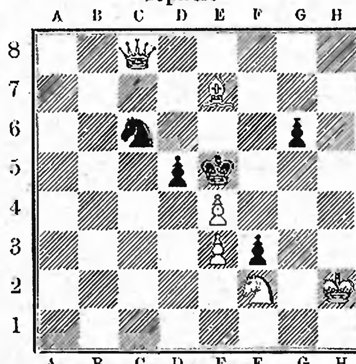
По временамъ интенсивность электричества проявлялась еще другими, болѣе мучительными для людей послѣдствіями. Такъ, при начавшемся ночью сильномъ ураганѣ, при чемъ снѣгъ шелъ небольшой, наблюдатель Бёмеръ услышалъ громкій трескъ и шумъ, почувствовавъ въ то же мгновеніе какъ будто тысяча иголокъ пронизываютъ его кожу и вмѣстѣ съ тѣмъ его борода и волоса на головѣ наэлектризовались. На всѣхъ металлическихъ предметахъ показалось фіолетоваго цвѣта пламя, достигавшее 2 ф. высоты и 1/4 дюйма въ поперечникѣ. Отъ прикосновенія къ нимъ пальцами пламя исчезало, появляясь вновь и на этихъ предметахъ и на пальцахъ, и между тѣми и другими стали мелькать блуждящіе огоньки. Метеорологическіе и кухонные приборы, даже пуговицы на шапкѣ наблюдателя—все наэлектризовалось, а снѣгъ издавалъ какіе-то невыразимые, казалось, ноющіе звуки. Снѣгъ перестал и съ нимъ прекратились и всѣ эти явленія. То же самое опять повторилось, когда однажды нѣсколько туристовъ взобрались на гору, во время грозы, разразившейся на 3,000 фут. ниже обсерваторіи. Раздались опять тѣ же странные ноющіе звуки, и всѣ находившіеся на станціи до того наэлектризовались, что при взаимныхъ сближеніяхъ между ними появлялись довольно большія искры, желто-фіолетоваго цвѣта; у лошадей на хвостахъ волосы становились дыбомъ, а лежавшіе на полу бумажные обрѣзки повисли на дверяхъ, притянувшись съ разстоянія до 12 фут. Явленія эти продолжались до прекращенія грозы.

Во время грозъ послѣ того бывшихъ, ударъ молніи разразился, однажды, въ комнатѣ наблюдателей и при этомъ, внезапно, появился огненный шаръ, направившійся къ печи. Въ другомъ случаѣ молнія оглушила одного туриста, бывшаго въ моментъ ея удара на станціи, и самого наблюдателя, пробила дыру въ приборѣ, показывающемъ скорость вѣтра, и зажгла кучу бумаги.

Такого рода явленія происходили постоянно при паденіи снѣга или града и повторялись столь часто, что наблюдатели наконецъ привыкли къ нимъ. Многимъ путешественникамъ вѣроятно удалось уже видѣть подобныя явленія на г. Этнѣ, но нигдѣ въ мірѣ не происходятъ они съ такою силою, какъ на Пикѣ, самой высочайшей обсерваторіи земнаго шара. Въ лѣтніе мѣсяцы станція эта нерѣдко посѣщалась любознательными туристами, не разсчитывавшими, разумѣется, какими тяжелыми жертвами придется оплатить ихъ славный подвигъ. Одинъ посѣтитель, натуралистъ Ральфъ Аберкромби, много лѣтъ уже путешествовавшій, взобравшись на гору верхомъ на конѣ, былъ утомленъ до того, что едва въ силахъ былъ выпить стаканъ кофе и не въ состояніи былъ проглотить никакой твердой пищи; только отдохнувъ и спустившись приблизительно на 1,000 фут. онъ почувствовалъ себя лучше и тогда только увидѣлъ ту чудную панораму, которая открылась глазамъ его. Лѣтомъ, на вершинѣ, температура подымается выше точки замерзанія только на самый короткій промежутокъ времени, а ниже обсерваторіи развивается цвѣтущая флора, существованіе которой однако тоже весьма непродолжительно; скоро опять наступаютъ морозы и цѣлые мѣсяцы продолжается жестокая, какъ въ сѣверной Сибири, стужа, сопровождаемая снѣжными бурями, туманами и сильными разряженіями электричества. (А.)

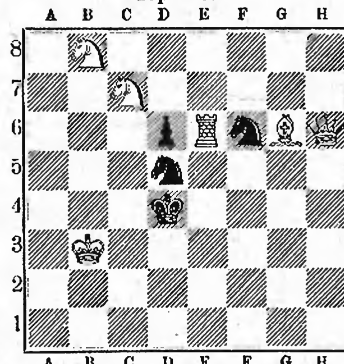
ШАХМАТЫ.

Задача № 11.
Pilnacek.
Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Задача № 12.
E. Dvorzak.
Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 2 хода.

Матчъ С. З. Алапина съ В. Ласкеромъ начался. По послѣднимъ извѣстіямъ, изъ двухъ сыгранныхъ партій—одну выигралъ С. З. Алапинъ, другая же ничья.

Игранный недавно матчъ между Бердомъ и Ломаномъ окончился побѣдою перваго при 4-хъ выигранныхъ партіяхъ и 2-хъ проигранныхъ.

17 февраля пришла телеграмма изъ Гаваны, извѣщающая объ окончаніи матча М. И. Чигорина съ В. Стейницемъ. Побѣдителемъ опять оказался непобѣдимый въ матчахъ В. Стейницъ. Надо однако замѣтить, что въ послѣднія 25 лѣтъ никто такъ удачно не боролся со Стейницемъ, какъ М. И. Чигоринъ и какъ это показываетъ окончательный результатъ матча:

М. И. Чигоринъ выигралъ 8 партій.
В. Стейницъ „ 10 „
Ничьихъ . . . . . . 5 „

Задача № 13.

Найти 17 словъ въ четыре буквы каждое. По начальнымъ буквамъ этихъ словъ должна получиться одна пословица.

1) Славянская буква. 2) Закуска. 3) Дерево. 4) Часть человѣка. 5) Музыкальный инструментъ. 6) Кухонная принадлежность. 7) Болѣзнь. 8) Мѣра времени. 9) Часть театральной пьесы. 10) Напитокъ. 11) Вьючныя животныя. 12) Письменная принадлежность. 13) Часть дома. 14) Часть корабля. 15) Рыба. 16) Часть головы. 17) Искусственное сооруженіе для насѣкомыхъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

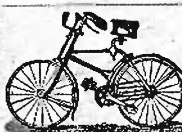
Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

На Аѳонѣ въ Андреевскомъ Скиту скончался Настоятель О. Ѳеоклитъ, а вмѣсто его избранъ Ризничій Іеромонахъ Іосифъ, извѣстный изъ газетъ по вывозу чудотворной Иконы съ Аѳона въ С.-Петербургъ на Подворье, воздвигнутое по особо Высочайшему разрѣшенію въ память спасенія Государя въ 1888 г. 17 октября; а посему просятъ адресоваться такъ:

1) **Одесса**, довѣренному Андреевскаго Скита съ передачею **Настоятелю Іеромонаху Іосифу съ братіею;** № 5662

и 2) **С.-Петербургъ**, Пески, довѣренному Аѳонскаго Андреевскаго Скита съ передачею **Настоятелю Іеромонаху Іосифу съ братіею.**

Англійскіе велосипеды завода Зингера и К° въ Ковентри, рекомендуетъ **Генрихъ ЖЕМЛИЧКА** въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, специальный велосипедный магазинъ № 19. 6—8 № 5638

Высылается прейсъ-курантъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: Генрихъ Блоккъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 15—13

Д-ръ **Волицкій**, возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 71/1, кв 5. Отъ 1-3 и 6-7½ ч. в.

Казацкое сѣдло № 1, роскошно тисненое — шагренированной кожи, съ уздечкою и осталкн. полн. приборомъ 20 р. Тоже № 2 16 р. Пересылка по ж. д. 2 руб. Почтою за 30 фунт. **Фабрика М. и И. МАЛЫШЕВЫХЪ, Саратовъ.** Новый иллюстриров. прейсъ-курантъ высылается за двѣ 7 к. марки.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

АРМИНЪ

НОВАЯ ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА **для холи и мягкости усовъ и бороды.**

Цѣна за банку 1 р. с., съ перес. во всѣ города Россіи — 1 руб. 40 коп. **Наложеннымъ платежомъ.**

Продается во всѣхъ аптекарск. магазинахъ Россіи. Главный складъ: Г. Пюна, Пассажъ, № 52, С.-Петербургъ. № 5603 (6)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1892 годъ на

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ.

8-й годъ изданія.

Москва, Малая Дмитровка, д. № 12.

Еженедѣльное изданіе, необходимое для техника, ремесленника, кустаря, сельскаго хозяина, любителя ремеслъ, для школъ и *во всякой семьѣ.*

◆ Въ каждомъ № помѣщаются: совѣты, рецепты и указанія, понятныя описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и некрупнымъ техническимъ производствамъ со **множествомъ** рисунковъ и рабочихъ чертежей разныхъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастерскихъ и хозяйства.

◆ Къ 50-ти №№ прилагается 100 листовъ рисунковъ образцовыхъ издѣлій для столяровъ, обойщиковъ, слесарей, кузнецовъ, сапожниковъ, портныхъ (моды Русселя и др.) и пр. и пр.

Кромѣ того: 1) Календарь для ремесленниковъ и 2) Одно изъ руководствъ, изданныхъ редакціей, по выбору подписчика.

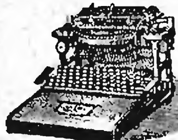
☞ *Каждый подписчикъ найдетъ въ „РЕМ. ГАЗ." и въ руководствахъ, изданныхъ редакціей, много такихъ указаній, которыя принесутъ ему* **ЗНАЧИТЕЛЬНЫЯ ВЫГОДЫ.** № 5660

6 руб. въ годъ съ перес. и доставкой, за ½ года 4 р.

„Рем. Газ." одобрена Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.

КАЛИГРАФЪ

рекомендуетъ № 5647 (2)

Генрихъ ЖЕМЛИЧКА Москва, уг. Тверской и Стараго Газетнаго переулка, д. Фальцъ-Фейнъ, велосипедный магазинъ № 19.

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А.М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 К. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

Только подлинно съ этой фабричн. маркой.

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТШЪ и К°.

въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.

*) **Цѣна:** бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи у В. Ауриха, въ С.-Петербургѣ. Колокольная, 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В. № 5305 (12)

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
БЕРЛИНЪ, Егерштрассе, 46,

рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерію

„BOUQUET RUSSE."

Духи **ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО**
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. **Саше.**

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (5)

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фаяръ и Блэнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блэнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. М. № 5651 8—2

БРОКАРЪ и К°.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ № 5633 8—4

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Собственный магазинъ: Невскій, 30, въ С.-Петербургѣ.

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 5391 16—8

Жирныя румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!

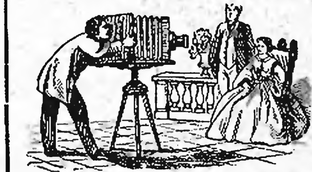
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у В. Ауриха, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ЕЩЕ НОВОСТИ!

Кромѣ вещей опубликованныхъ въ прошломъ номерѣ поступили еще слѣдующія: Щетки для карточн. игры, съ водою, очень практичны, пара 2 руб. ◆ Миніатюра или искусство раскрашиванія по стеклу красками портретовъ, картинъ, эстамповъ и проч. ц. 6 р. ◆ Литохромія или искусство обращать гравюры и литографіи въ изящныя масляныя картины, ц. 7 р. ◆ Геліоминіатюра и литохромія вмѣстѣ, ц. 11 р. ◆ Домашній фотографъ посредствомъ коего всякій, даже ребенокъ, можетъ пересnимать портреты, гравюры и проч. ц. 3 р. ◆ Гальванопластика или искусство золоченія, серебренія, никелированія и т. д., ц. 4 р., 6 р., 8 р. и 10 р. ◆ Опыты съ электричествомъ, полный приборъ, ц. 2 р. 50 к. ◆ Работы изъ стружекъ и бересты, ц. 1 р. 50 к. ◆ Живопись брызгами, ц. 2 р. ◆ Пантографъ, приборъ для увеличенія и уменьшенія карт., план., рисун. и проч. ц. 1 р. 50 к., тоже металл. 4 р. ◆ Каллиграфъ, коимъ всякій можетъ научиться красиво писать, ц. 1 р. ◆ Механографъ для увеличенія и уменьшенія картинъ съ красками, ц. 1 р. 50 к. ◆ Живописецъ-самоучка, съ красками, ц. 2 р. ◆ Дитя архитекторъ, ц. 2 р. ◆ Кораблестроитель, постройка судовъ по моделямъ, ц. 3 р. ◆ Живописн. лото, для изуч. языка русск., франц. и нѣмецк. ц. 1 р. 50 к. ◆ Шахматы, ц. 2 р. Шашки, ц. 1 р. ◆ Волшебные фонари съ наставленіемъ самому раскрашивать картины ц. 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р., 4 р., 5 к., до 50 р. ◆ Камеръ-обскуры для рисованія съ натуры ц. 2 р. 50 к. ◆ Тоже большія, складныя, ц. 5 р. ◆ Орторама, новый приборъ для рисованія перспективы съ красками и проч. ц. 5 р. ◆ Станокъ для выпиловки по дереву и металламъ (работать рукою и ногою) деревянн., со всѣми приложеніями, ц. 3 р. ◆ Такой-же желѣзный, ц. 6 р. ◆ Ящикъ со столярными и переплетными инструментами, ц. 10 р. ◆ Паяльный приборъ для спаиванія и припая всякихъ металлическ. вещей, ц. 5 р. ◆ Приборъ для дѣланія рамъ изъ багета, съ инструментами, ц. 6 р. ◆ Фотографич. аппаратъ—не игрушка, для сниманія съ натуры визитныхъ и кабинетныхъ портретовъ, видовъ и проч., съ пробнымъ снимкомъ и подробн. руковод. (пересылка за 15 фун.), ц. 5 р. ◆ Симфоніонъ, музыкальный инструментъ, играющій неограниченное число пьесъ съ приложеніемъ 6 н. 8 р. Пьеса отдѣльно по 35 к. ◆ Новость! Электрическая лампа автоматъ, ц. 5 р. ◆ Новость! Телефоны и электр. телеграфъ по 8 р. ◆ Телефоны и электр. звонки (полные) 8 р. и много др. новостей.

Всѣ вышеозначенные приборы съ руководствами.

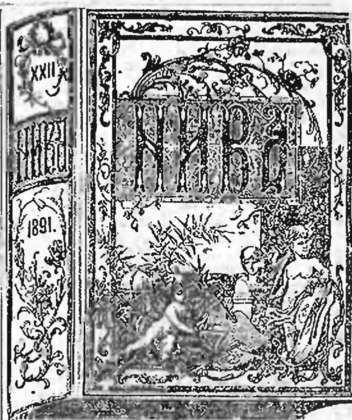
Заказы исполняются немедленно, но не менѣе какъ на три рубля. Новый иллюстриров. каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ высылается за 10 к. марку. Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 4. Складъ новыхъ изобрѣтеній (фирма существ. съ 1872-го года). Mt. № 5659

Дозвол. цензур., СПБ., 25 февраля 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., № 1.